

ВИКТОР
ПРОНИН

**ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ
ФАКТОР**

Черная кошка

Виктор Пронин

Человеческий фактор

«ЭКСМО»

2006

Пронин В. А.

Человеческий фактор / В. А. Пронин — «Эксмо»,
2006 — (Черная кошка)

ISBN 5-699-18324-8

Хитрость человеческая не знает границ, особенно, когда замышляется преступление. На этот раз хитрость его тоже не подвела. Дело предстояло серьезное, и Епихин продумал все до мелочей. Два незнакомых, жадных до денег парня согласились убить Долгова. Не сразу, но согласились. Епихин пообещал им хорошую плату за «работу», дал пистолет и назначил дату убийства. При этом сам заказчик остался в тени и обеспечил себе железное алиби. Все должно было пройти идеально. Но тут в дело вмешался человеческий фактор...

ISBN 5-699-18324-8

© Пронин В. А., 2006

© Эксмо, 2006

Содержание

Часть первая	5
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Виктор Пронин

Человеческий фактор

Часть первая

О том, как все начиналось

Вы наверняка знаете это место – совсем недалеко от Белорусского вокзала, а если точнее, то в нескольких минутах ходьбы от станции метро «Белорусская»-радиальная. Стоит вам пройти под мостом, от которого начинается Ленинградский проспект, миновать небольшой летучий базарчик, где молдаванки продают поддельный коньяк «Белый аист». Чтобы не забыть и не оказаться несправедливым – коньяк этот хоть и фальшивый, но неплохой, никто еще не отравился. Говоря точнее, никто не жаловался, как утверждают молдаванки. Но, с другой стороны, если человек отравился, то как он может пожаловаться... Только там, высшим силам, может дать чистосердечные показания – где брал, у кого, сколько платил, с кем пил и прочие подробности, о которых рассказывать нет надобности, вы их и сами знаете.

Так вот, если миновать молдаванок с «Белым аистом», можно наткнуться на кавказских женщин, которые продают лимоны, подвявшие, правда, и по размеру какие-то недомерки, но зато можно выбирать, и дают три штуки за десятку. Мясо попадает в плотных целлофановых пакетах, хорошее мясо, соблазнительное, не каждый находит в себе силы пройти мимо, не каждый, но опять же никто пока не жаловался.

Дальше магазин мужской одежды, бывший гастроном – это уже первый дом на Ленинградском проспекте, хлебный магазин «Надюша», какой-то сомнительный китайский ресторанчик с глиняными львами у крыльца – бывшая пельменная, потом спортивный магазин, фотоуслуги и...

И вы на месте.

Троллейбусная остановка совсем рядом, называется «Второй часовой завод». Не знаю, что там сейчас делают и делают ли вообще, во всяком случае, продукции этого славного в прошлом предприятия не видно уже много лет. Другая часовая продукция хлынула со всех сторон, не уверен, что лучше по качеству, но как бы это выразиться приличнее...

Красивше, что ли...

Не красивее, нет, именно красивше.

Ну, да ладно, пришли.

Над стеклянным входом громадные буквы – «Часы». И ничего больше. Вывеска видна издалека, но продукции, как уже говорилось, не видно давно. За этими самыми «Часами» красные буквы поменьше – «Кристалл». Это водочное предприятие так называется.

Можно входить.

Спускаетесь по ступенькам вниз, в полуподвал, и оказываетесь в громадном зале. Здесь продаются опять же часы, завезенные из всех мыслимых и немыслимых стран, коньяк, водка, вино, подарочные конфеты и прочая дребедень, которая по замыслу хозяина заведения – молчаливого, даже слегка угрюмого человека кавказского разлива, должна была его обогатить быстро и надолго. Судя по его недовольному лицу, обогащение затягивалось. Суть не в этом громадном зале, суть в зале поменьше. Да, спустившись с лестницы, покинув залитую солнцем, залитую дождем, занесенную снегом Москву, вы, никуда не сворачивая, идете прямо и оказываетесь в маленьком помещении, выгороженном в большом зале простым и убедительным красным кирпичом.

Пивнушка.

Да, да, да! Маленькая, уютная пивнушка с несколькими столиками, если память мне не изменяет, их там не то пять, не то шесть. За этими столиками и начались те кровавые события, которые своей непредсказуемостью, какой-то мистической необъяснимостью потрясли привыкшую ко многому криминальную Москву, перевернули жизнь людей, судьбы которых измениться ну никак не могли.

Как им казалось.

Изменились, перевернулись, превратились в нечто противоположное. Вместо спокойной, рассудительной и достойной жизни эти люди получили страх и ужас.

Кровь, смерть и умопомешательство.

В самом прямом смысле слова.

Заходите в эту забегаловку, усаживайтесь за круглый столик в углу и считайте, что вы уже на месте преступления.

За пивной стойкой, как обычно, стояла Фатима, женщина молодая, красивая, улыбчивая и, судя по имени и некоторым другим признакам, тоже кавказского разлива, но облагороженного, дагестанского. Это кубачинские кинжалы, дербентский коньяк, дербентские крепости тысячелетней давности и в завершение – мой давний друг Абдулгафар Абумуслимович Казибеков, который пятерым своим дочерям присвоил названия драгоценных камней – алмаз, сапфир, изумруд и так далее. И они того стоили, можете мне поверить, несколько дочери Абдулгафара не принизили красоту драгоценных камней, даже более того, подняли славу этих камней на совершенно недоступную высоту. Шестым оказался сын, назван он был, естественно, Абумуслимом. На этом Абдулгафар демографические свои усилия прекратил.

Все это рассказано только для того, чтобы было ясно, откуда, из каких краев красавица Фатима, которая стояла за пивной стойкой забегаловки, где и начались события, рассказать о которых я так долго не решался, а теперь вот вознамерился.

Решился.

Я сам частенько захаживал, да и сейчас изредка заглядываю в эту пивнушку недалеко от Белорусского вокзала и обо всех событиях могу рассказать не просто как автор, а как участник, даже, более того, соучастник, подельник – и не поверите – собутыльник. С кем я пил и за что мы поднимали наши преступные тосты – догадывайтесь сами, подсказывать не буду, поскольку многих уже нет, а те далече, как сказал поэт. Во времена, к которым относятся эти события, здесь можно было встретить и художника Юрия Ивановича Рогозина, и мага, колдуна-предсказателя, шамана Равиля, и Виктора Викторовича Крамаренко, подпольного издателя, поэта и домоседа. Все они могут подтвердить каждое слово этой истории, более того – дополнить, привести новые подробности, хотя сути случившегося не изменят, поскольку здесь изложена правда, только правда и ничего, кроме правды.

Итак, поехали.

Фатима, как обычно, улыбается за стойкой, у нее за спиной ряды разноцветных соблазнительных бутылок, перед ней – установка с разливным пивом. С закуской здесь всегда было плохо, но это никого не огорчало, сюда приходили, в общем-то, не закусывать. А если кто-то уж очень проголодался, Фатима охотно сбегает к другому прилавку или в соседний магазин и принесет кой-чего на зубок. Сейчас, правда, там появились какие-то странные салаты, что-то разогревали в микроволновой штуквине, но серьезные люди этим не пользовались, для подобных вещей они посещали другие места, а здесь... Здесь было место для бесед о жизни, о самом себе, о человеке, который сидит напротив и потягивает «Невское светлое». Да, это надо отметить особо – чаще всего у Фатимы бывало «Невское светлое». И пусть владельцы этого пивного гиганта учтут рекламу, на которую я, как видите, не скуплюсь. Чего не бывает, вдруг дойдут до них эти строки, и они не поспеют на кружку-другую. Угостят в знак благодарности.

Хотя надежд мало, а если честно, то и нет на это никаких надежд. Равиль может расколоться на полдюжины кружек, Витя расколется, Фатима, не задумываясь, угостит за свой счет, но гиганты... Пивные, нефтяные, газовые...

Спокойно, ребята, спокойно. Там все глухо.

Может, потому они и гиганты?

С чего начинаются преступления? С выстрелов? С ударов ножом, бутылкой, лопатой? Нет. С поджогов и взрывов? Нет. Всем этим преступления заканчиваются. А начинаются они с легкого, почти незаметного нарушения в человеческом поведении. Например, когда все вокруг веселятся, а двое, опасливо озираясь, перешептываются. Или когда все под зонтиками, а кто-то стоит с черной сумкой и дождя этого вообще не видит. Или когда на дороге авария и потрясенные очевидцы стоят и смотрят, двое в это время целуются...

И так далее.

Примеры можно приводить без конца. Прохожий, которого что-то там такое-этакое на уме, уже не может вести себя естественно, разумно, неуязвимо. Что-то из него обязательно вылезет наружу. И даже когда изо всех сил стремится выглядеть, как все, он уже этим обращает на себя внимание человека пытливого и равнодушного. Да, чаще всего по причине усталости и безразличия мы не замечаем этих почти неуловимых несоответствий, привычно находя всему объяснение, оправдание, прощение.

А напрасно.

Веди мы себя чуть пристальнее, чуть внимательнее к происходящему вокруг нас, о, какие увлекательные истории открылись бы нам, какие бы находки случались с нами, за кружкой пива, рюмкой водки, за кивком вроде бы совершенно естественным, какая бы жизнь неожиданно распахнулась перед нашим взором – трезвым, ясным и заинтересованным!

Ну, да ладно...

Чего нет, того нет.

Откуда силы взять на такой вот интерес к девичьим чулкам, замусоленному галстуку, расстегнутому портфелю, невыбритой шее, а в мире, между прочим, нет ничего ужаснее плохо выбритой шеи...

Ладно, чего уж там... Ближе к делу.

Этот человек не слишком часто, но время от времени появлялся в забегаловке на Ленинградском проспекте и ничем, ну совершенно ничем не привлекал к себе внимания. Легким взмахом руки приветствовал Фатиму, та отвечала ему улыбкой радостной и искренней. Человек этот предпочитал садиться за угловой столик, выпивал свою кружку «Невского светлого», иногда выпивал и вторую, редко, но случалась у него и третья кружка, и все так же легко, на ходу махнув Фатиме на прощание рукой, он пересекал зал со стеклянными витринами, поднимался по лестнице и исчезал, вливаясь в бесконечный людской поток. Его уже знали другие посетители, узнавала Фатима, иногда даже присаживалась к нему за столик, чтобы обменяться несколькими словами, его знала и мрачная личность кавказского разлива – хозяин этого стеклянно-подвального помещения. И при этом никто не мог сказать о нем ничего определенного.

Видимо, он к этому и стремился.

Хотя как-то разговорившись со случайным соседом по столу, после третьей кружки пива нарушил собственную установку и представился:

– Валентин Евгеньевич.

И тут же, как бы спохватившись, насутился, замолк, скомкал разговор и, едва кивнув на прощание, поторопился уйти.

Хорошо, запомним – Валентин Евгеньевич. Казалось бы, ничего подозрительного, необычного, запоминающегося... А между тем, давайте вслушаемся в это имя чуть вниматель-

нее. Не кажется ли вам, что есть в нем что-то скользкое, даже ускользающее? Как бы двузначное, а?

Не кажется?

Ну нет и нет.

Вполне возможно, что это впечатление случайное, а то и попросту надуманное. Но если к этому имени приложить хороший костюм из легкой, струящейся ткани, дорогой костюм, новый, не снятый с европейского мертвеца и завезенный в секонд-хендовский магазин на соседнюю улицу Правды. Тоже веяние времени – улица, где располагался крупнейший комплекс печатных изданий, прославлявший едва ли не самую великую державу мира, так вот теперь эта улица при прежнем названии известна магазином, где торгуют шмотками умерших по разным причинам, растолстевших граждан сытой Европы...

Ну, да ладно.

На Евгении Валентиновиче... Простите, все время путаю это имя... Ну ничего, привыкну. На Валентине Евгеньевиче был костюм не из этой лавки, провонявшей запахами обносок, не просто бывших в употреблении, а вонюю обносок, от которых по разным причинам поторопились избавиться, чтобы и духа их не было в доме благополучном, горделивом и благопристойном...

Валентин Евгеньевич носил другие костюмы. Новые, свободные, приятных расцветок, которые подчеркивали достоинства его поджарой фигуры, правильные, даже изысканные черты лица. А в изысканности всегда присутствует некоторая... Нервность, что ли? Нервность, которая выдает не ущербность, нет, упаси боже! Скорее, она выдает тонкость чувствований и представлений. Такой человек часто живет насыщенной духовной жизнью. А трепетные, длинные пальцы Валентина Евгеньевича только подчеркивали впечатление о нем и убеждали в том, что это впечатление правильное.

Можно, конечно, сказать о рубашках этого человека, о его туфлях и носках. А сколько слов хочется произнести о его галстуках – точных, свежих, завязанных опять же изысканно – его галстучные узлы всегда были с воздухом! О, это не были заскорузлые комки замусоленной ткани, это не были узлы, завязанные годы назад и теперь протертые щетинистой шеей до подкладки, это были галстуки с узлами, завязанными сегодняшним утром. И можете быть уверены, что уже сегодняшним вечером они будут развязаны, и за ночь с галстука исчезнут все те легкие, почти невидимые складки, которые образуются в течение дня. И можно быть совершенно уверенным, что завтра утром, когда Валентин Евгеньевич снова выйдет в мир, на нем будет красоваться галстук с узлом легким, свежим, наполненным воздухом!

Такой вот человек посещал забегаловку в полуподвале одного из домов в самом начале Ленинградского проспекта. А что его тянуло в этот полуподвал, в эту выгородку с несколькими круглыми столиками, на которые он решался, да, решался, зная, что делает, ставить локоть, обтянутый струящейся серой тканью, пронизанной тонкой красной нитью? Ведь столики-то того... Не в обиду будь сказано Фатиме... Согласимся – после пива, после салатных закусок, после орешков и еще каких-то там с чем-то тарелочек, вынутых из микроволновой штуковины, эти столики не мешало бы протирать спиртовым раствором, белоснежным ватным тампоном, а не жирноватой тряпкой из-под стойки бара.

Валентин Евгеньевич не мог этого не знать и не видеть.

Иногда он, словно преодолевая что-то в себе, тайком, чтобы, не дай бог, не увидела Фатима, брал салфетку и протирал столик возле себя, предварительно плеснув на него коньячку из плоской металлической фляжки, которая, похоже, всегда была при нем в шелковистом кармане серого пиджака. И тут же убирал этот салфетный комок, чтобы не заподозрили его в чистоплюйстве. А если говорить жестче – чтобы не заподозрили в нем того человека, которым он на самом деле являлся.

Слова получились вязкими и слегка путаными, но это правильные слова, и они вполне отражают поведение Валентина Евгеньевича в этой забегаловке.

Да, конечно, и весьма благовоспитанные люди снимают девочек на автотрассах и общаются с ними в салонах своих машин, пропахших не бензином, нет, в этих салонах пахнет неплохими духами заморского происхождения, но девочек им, видите ли, хочется из ночной темноты, с безлюдных трасс и пропахших в лучшем случае одеколоном «Саша» – бывшим «Тройным».

Надо признать – и приходил Валентин Евгеньевич в эту забегаловку, и узнавали его, и он приветствовал некоторых посетителей, но оставался чужим. Не подсаживался ни к кому, а если кто садился за его столик, он не возражал, но и радости большой не проявлял. Это было видно, такие вещи всегда заметны, особенно в среде людей слегка подвыпивших. Хоть и говорят ученые люди, что у выпивающего человека сужается кругозор и может сузиться до того, что личность как таковая начисто исчезает и растворяется в алкогольных парах, – все это заблуждение и неправда. Хлопнув рюмку-вторую, опрокинув кружку пива из заботливых рук Фатимы, человек такое начинает чувствовать, такое начинает видеть и слышать...

Ум меркнет!

Постоянные посетители забегаловки прекрасно видели отчужденность Валентина Евгеньевича и не навязывались, понимая, что человек он здесь случайный, заглянул ненадолго и опять уйдет в свой мир, для остальных недоступный.

И были правы.

Поддающие люди частенько оказываются правы, хотя редко когда с ними соглашаются – не умеют они убедительно и достоверно подать людям свои прозрения и озарения в области человеческой психики, чувств и мыслей. Да, и желаний. Опять же произношение у них не слишком внятное, поток сознания оставляет желать лучшего, путаются они в мыслях своих, хотя сами мысли глубоки и справедливы. Новичок, бывало, ткнется к Валентину Евгеньевичу, и пивком его угостит, и распахнет перед ним душу свою растревоженную да смятенную, но тут же сразу и понимает – не надо бы, не тот человек. Нет, не посмеется над ним Валентин Евгеньевич, не обдаст холодом и презрением, просто покивает красивой головой своей, дескать, слышу тебя, дескать, понимаю и сочувствую, продолжай, дескать, что там у тебя еще случилось...

А как после этого продолжать?

Какое после этого продолжение может быть?

Посмотрит на него собутыльник ранеными своими несчастными глазами, чертыхнется про себя за собственную оплошность и пересядет на свободное место за соседним столиком. Знаю, что говорю, потому как о себе все это, про себя.

Но ведь приходит же зачем-то сюда Валентин Евгеньевич, что-то нужно ему здесь! Может, за Фатимой решил приударить. Многим она сердце потревожила, многих зацепила...

Нет и еще раз нет.

Фатима здесь ни при чем.

– Я вас приветствую! – сказал, входя, Валентин Евгеньевич и радостно вскинул руку, улыбаясь улыбающейся Фатиме. – Жизнь продолжается?

– А куда ж ей, бедной, деться! – рассмеялась Фатима. – Как обычно? «Невское светлое»?

– Конечно, Фатима... А орешки есть?

– Только миндальные, – Фатима огорченно склонила голову, понимая, что Валентину Евгеньевичу нужны фисташки.

– Ну, что ж... Пусть миндальные, – ответил он, и в голосе его явственно прозвучала нотка великодушия – из твоих тонких рук, Фатима, я не только миндальные, ядовитые плоды анчарного дерева съем и не поперхнусь! Вот так умел отвечать Валентин Евгеньевич, показывая

широту души своей, готовность разговаривать без унылой занудливости, старческой капризности, мелочного недовольства. – Что-то маловато народу сегодня?

– Соберутся, – беззаботно ответила Фатима, подставляя тяжелую пивную кружку под золотистую пивную струю.

– Все те же?

– Бывают и новенькие... Но надолго не задерживаются... Кто-то тобой интересовался... Уж не помню, кто...

– Мужчина? Женщина? – шаловливо спросил Валентин Евгеньевич.

– По-моему, ни то, ни другое.

– А что, есть что-то среднее?

– Ребята какие-то... Они бывают здесь иногда. Не часто.

– Нет, не знаю, – Валентин сбросил с плеч пиджак, повесил его на тяжелую спинку стула и уселся основательно, приготовившись ждать, сколько потребуется – пены поднялось больше нормы, Фатима слила ее в другой бокал, снова повернула краник. Так продолжалось несколько раз. За это время заглянул хозяин заведения, хмуро кивнул Валентину Евгеньевичу, тот приветственно помахал рукой, достал мобильник, поигрался кнопками, удивленно вскинул брови, видимо, наткнувшись на какое-то сообщение, но звонить никому не стал, снова сунул мобильник в карман пиджака. Пустые, казалось бы, действия, но как-то удавалось Валентину Евгеньевичу проделывать все это со значительностью, словно решалось нечто важное, может быть, даже судьбоносное.

Наверное, у человека, затевающего что-то значительное, движения, взгляды, слова приобретают тоже какую-то значительность, они как бы отягощаются еще одним смыслом. Такого человека можно сравнить с чемоданом, у которого второе дно, а между первым и вторым находится самое важное – любопытная записка, пачка долларов, а то и чего покруче. Уж лучше буду называть его по фамилии – Епихин он, Епихин.

Вот так же Валентин Евгеньевич...

Боже, до чего отвратительное имя!

У Епихина тоже при желании можно было увидеть второе дно, можно, и без особого труда. Вот только некому было взглянуть на него с пристальным интересом, воспринимался он как-то однозначно, в одной плоскости, будто был вырезан из листа бумаги и раскрашен под живого человека.

Ну, да ладно, чего уж там, не будем к нему придирааться, придраяться можно к каждому.

– А эти ребята, – произнес Епихин с полнейшим равнодушием в голосе, – они что, частенько бывают здесь?

– Заглядывают, – протянула Фатима. – И всегда с проблемами.

– Девочки? Дурман? Деньги?

– Боюсь, что все-таки деньги.

– Ну, что ж... Все мы этим озабочены.

– Конечно... Одни меньше, другие больше... Но у этих только об этом и разговор.

– Отощали, значит, – Епихин снова склонился над мобильником. Но кнопок не нажимал – делал вид. Похоже, разговор с Фатимой был для него не так уж безразличен. – Помногу пьют?

– На пару порций наскребают. Все шепчутся, – Фатима наполнила, наконец, кружку и принесла ее к столику.

– Дела, значит, решают.

– У них дела? – Фатима, уже отойдя, резко обернулась.

– Может, возраст такой, – Епихин отхлебнул несколько глотков пива.

– Хороший у них возраст! – решительно ответила Фатима, зайдя за стойку бара, оказавшись на своем месте, она как бы обрела уверенность в своих суждениях. – Под тридцать обормотам.

– Хороший возраст. Мне тоже когда-то было тридцать... Неплохие остались воспоминания... – Епихин поднял кружку.

– Не будет у них никаких воспоминаний! – решительно сказала Фатима.

– Будут, – чуть слышно обронил Епихин, скорее, для себя сказал, отвечая на какие-то свои мысли. Фатима даже не услышала этого его словечка. Пустой, ненужный, необязательный разговор оборвался. Епихин свое внимание обратил на пустеющую кружку, и мысли его были заняты одним – не заказать ли еще одну? А каждый грамотный человек прекрасно знает, что если вопрос такой возникает, то ответ уже ясен – конечно, потребуется еще одна. Тем более что на блюдечке еще оставались орешки, десятка полтора, вполне достаточно, чтобы украсить собой еще одну кружку.

Появились новые посетители.

Пришла компания полных, оживленных, повизгивающих женщин. Скрежеща стульями по полу, они шумно уселись за столик – видимо, решили отметить какую-то свою конторскую дату.

Пришел угрюмый, полноватый мужик и, заказав фужер водки, уселся за свободный столик спиной к залу – не хотел он никого видеть и общаться ни с кем не было у него никакого желания. Я, дескать, сам по себе, отвалите.

Протиснувшись боком между стульями, уселись за столик две красотки, не слишком молодые, но их вид говорил о том, что цену они себе знают и в этом помещении нет им достойных, никогда не было и не будет. Туго облегающие джинсы, ушитые впритирочку, готовые отскочить пуговицы на блузках выдавали их какую-то утяжеленность. Формы красавиц были вполне терпимы, но уж больно их было много, этих форм. Бухгалтерши за своим столом разом смолкли и опасливо покосились в сторону девиц. И мужик с водкой тоже сразу почувствовал их присутствие – из-за плеча проводил их нетрезвым взглядом и отвернувшись, чуть дернул плечом, словно отгораживаясь от них.

Когда у Епихина заканчивалась вторая кружка пива, в подвальчике появились два молодых человека. Правда, не такие уж они были и молодые, но почему бы их так и не назвать – от душевной нашей щедрости и легкой такой, милой снисходительности.

Мужик с водкой, чуть покосившись в их сторону, произнес «х-х-х». Больше ничего не добавил, решив, что выразился достаточно определенно. Дескать, увидел вас, понял, цену вам знаю. И отвалите.

Девицы, запахнутые в зауженные джинсы, наклонившись друг к дружке, возбужденно зашушукались с приготовленными улыбками. Вдруг их взгляды пересекутся, а улыбка, уж вот она, наготове. Пересеклись. Парни приветственно помахали руками, но к красавицам не подошли, не сочли нужным.

Епихин, сам того не заметив, быстро взглянул на Фатиму. Женщина чуть заметно кивнула – да, ты прав, это они. Парни, да, лучше назвать их парнями, по нынешней городской градации это слово подходит к ним вполне. Они протиснулись между стульями и уселись за последний свободный столик. Он оказался рядом со столиком Епихина, и он из вежливости чуть сдвинул свой стул, извинился перед красотками в ушитых джинсах и, снова усевшись на свое место, оказался чуть ли не вплотную к парням, так уж вышло. Хотел как лучше, а получилось, что он сидел к ним спина к спине. Но никого это особенно не затронуло – к тесноте в забегаловке все уже привыкли.

Была в этих ребятах, оказавшихся за спиной у Епихина, этакая подпорченность, понять которую удавалось не сразу, если вообще удавалось. Но люди, не задумываясь, откуда идет этот вывод, если сразу и не понимали, то чувствовали – подпорченность.

Может быть, такое впечатление складывалось от небритости, хотя нынче недельная щетина в моде... Но недельная щетина требует выглаженной рубашки, неплохого, хотя бы

неплохого пиджака, а на этих было что-то заношенное, казалось, они в этих рубашках и пиджаках спали – что, учитывая помятость физиономий, вовсе не исключалось.

И было еще одно – какая-то взвинченная оживленность, их, похоже, возбуждала сама забегаловка, они пришли сюда как в достойное место, где им хорошо и вот-вот наступит нечто такое, к чему стоит стремиться.

А что наступит?

Две кружки пива появятся на столе.

И все.

И этого достаточно, чтобы громко, оживленно, воодушевленно разговаривать на какие-то свои дурацкие темы? Потому что так разговаривать можно только на темы действительно дурацкие – кого вчера встретил, сколько бутылок открыли, что ответила Валька, когда он ее поприжал между дверями, каким-таким голосом она ответила на его предложение...

И так далее.

Описывать более подробно нет надобности, все мы прошли через это в свое время. Бутылка портвейна перед танцами, запах незнакомых духов, а тогда все духи были незнакомые, но не в тридцать же лет, ребята!

Не в тридцать же лет!

– Слушай, Леха, ты звони мне, ладно? На мобилу звони! – Парня возбуждало само слово «мобила». – А я тебе не давал? Записывай! Восемь девятьсот шестнадцать... Мобила всегда при мне, понял? Звони на букву «м», Михась. Фамилию не надо записывать. Я не люблю, когда моя фамилия где-то мелькает... Все! Жду! Не пропадай!

И Епихину, который сидел у Михася за спиной, ничего не оставалось, как записать его номер в блокноте на букву «м».

Что он и сделал.

А потом, бросив в рот последнюю миндалину, подошел к стойке, расплатился, махнул Фатиме рукой и вышел легкой, почти трезвой походкой. Он прекрасно знал, почему спрашивали о нем эти ребята и почему сейчас, увидев его, не подошли. Дело в том, что некоторое время назад они попросили угостить их пивком. Угостил. Махнул Фатиме рукой, чтобы она по кружке «Невского светлого» им налила. Парни пообещали вскорости расплатиться, но пока до этого дело не дошло. Потому и у Фатимы спросили – может, уже здесь и не бывает этот добросердечный мужик. Нет, оказывается, бывает. И теперь вот, столкнувшись с Епихиным лоб в лоб, они как бы не заметили его, как бы не узнали, отвлекшись на толстозадых девиц в джинсах, которые вот-вот готовы были треснуть по всем швам, обнажив нечто прекрасное и почти недоступное.

Епихин не напоминал о долге, как бы тоже не узнал ребят. Мало ли кого приходится всем нам иногда угощать по пьянке – пивком ли, водкой, бывает, бутерброд попросит случайный собутыльник... Чего не бывает. Собственно, в этом тоже есть радость бытия, радость питания...

И еще одно, может быть, самое важное – Епихина Валентина Евгеньевича вполне устраивало такое течение событий. Теперь он знал твердо – парни помнят о своем должке, но расплатиться не могут, не могут беззаботно вернуть сотню рублей.

И не надо, усмехнулся про себя Епихин. Сочтемся, ребята, сочтемся.

И вышел, не оглянувшись.

И, кажется, даже почувствовал, как облегченно перевели дух ребята.

Когда-то Лев Николаевич Толстой, это писатель такой был, неплохой, между прочим, писатель, написал слова... О чем бы человек ни думал, он думает о собственной смерти.

Сильно старик выразился, видимо, знал, о чем говорит, видимо, понял и прочувствовал. И если вдуматься в другие его слова, а он много чего в своей жизни произнес, то вынуждены будем согласиться – все о смерти, все о ней думал старик, с одной стороны заходил, с другой,

но, несмотря на потрясающий свой талант, несмотря на необыкновенные умственные способности, избежать встречи с улыбочивой бабой ему не удалось, настигла и его.

Но это так, к слову.

Похоже, времена слегка изменились, теперь человеку и о собственной смерти подумать некогда, суета заела и мысли суетливые одолели. О чем? Да все о том же, о деньгах. И, чуть изменив слова великого старца, можно сказать – о чем бы человек ни думал, он думает о деньгах. Вся мощь развлекательно-информационной индустрии захлеб об одном и том же, да, ребята, да!

О деньгах, о них, родимых.

Вчитайтесь, вслушайтесь, всмотритесь!

Все эфирное пространство заполнено одним – кто сколько урвал, украл, заработал, сколько взял убийца, сколько отхватил олигарх, сколько получила первая красавица мира, на сколько живет старик, победив фашистскую гадину шестьдесят лет назад, сколько получает прелестник Киркоров, попрыгунчик Газманов, толстушка Пугачева...

И так далее, так далее, так далее...

Включите телевизор ранним утром, поздним вечером, включите его средь бела дня или поздней ночью, на рассвете, на закате, вы услышите увлеченный, болезненно обостренный, захватывающий разговор о деньгах в чужом кармане.

Приехали.

Свобода слова, блин!

С одной стороны, вроде уныло, продажно, грязно, кроваво. Бандюги, душегубы, маньяки вышли на первые полосы газет, на первые каналы телевидения, о них снимают фильмы и показывают, какие у них потрясающие машины, какие обалденные женщины, какие толстые кошельки. Но манеры, боже! Какие у них манеры! А почему бы и не быть этим манерам, если на них штаны от Версаче и счет в швейцарском банке? Тут уж хочешь не хочешь, а манеры полезут сами по себе из какого-то там подсознания. Оказывается, манеры в нас заложены изначально, манеры – это нечто врожденное, и только недостаток средств не позволяет им, манерам, проявиться в каждом из нас.

Может быть, это не так, может быть, авторское заблуждение, вызванное опять же недостатком средств, но если судить по фильмам, телевизионным передачам, газетным репортажам...

То к другому выводу прийти и нельзя! Нет в человеке сил сопротивляться такому выводу.

С одной стороны – да, плохо. Безнадежно. Девочки на выпускных балах делятся заветным – мечтают о карьере валютной проститутки, бардаки мира заполнены нашими красотками, пэтэушницы после занятий выходят на ночные трассы – возьмите нас, не пожалеете... Они пришли к этому же выводу, и их юные организмы не в состоянии сопротивляться давлению общественной морали.

Да, плохо.

Но, с другой стороны, давайте, ребята, согласимся – что-то в этом все-таки есть и обнадеживающего – о чем бы человек ни думал, он думает о деньгах, другими словами, о достатке, о детях, о семье. И времени задуматься о жизни, о смерти попросту некогда. Да и пустыми кажутся эти мысли, они вроде как и недостойны настоящего мужчины, настоящей женщины, настоящего отца, матери, сына, дочери...

Такое вот понимание жизни сложилось в России в начале третьего тысячелетия. Ну, сложилось и сложилось, без гнева и пристрастия примем то, что есть.

Николай Петрович Долгов – так звали этого человека. Был он невысок, плотен телом, к пятидесяти сохранил на щеках румянец и зубы тоже сохранил, а потому улыбался часто, охотно и по любому поводу. Такая у него была манера – улыбаться. Солнцу улыбался, собакам,

женщинам. Бескорыстно, простодушно и, как бы это сказать поточнее... Участливо. Он словно приглашал к своей улыбке. А что, дескать, у вас радостного случилось в это прекрасное утро?

Такой был человек.

Жил он в поселке Немчиновка, рядом с Москвой. В непосредственной близости от Кольцевой дороги. Попастъ в Немчиновку можно было с Белорусского вокзала – электричками, которые шли в сторону Одинцова, Голицына, Звенигорода, Можайска. А если вы ошибетесь и сядете на электричку, которая по пути сворачивала в сторону Усова, тоже большой беды нет, в Немчиновку можно пройти от платформы «Ромашково», что однажды и случилось с Долговым – по ошибке он сел на усовскую электричку и понял, что едет не туда, когда увидел за окном незнакомые строения, заводские заборы и прочие неприятные для глаза вещи.

– Все ясно, – сказал он себе, улыбнулся и продолжал изучать криминальную хронику в газете «Московский комсомолец». Эта газета славится невероятной осведомленностью о том, что где случилось, кто кого убил и каким образом, кому убить не удалось и по какой причине. Очень интересная, познавательная газета, которая благодаря этому своему качеству достигла тиражей просто фантастических и любовь завоевала, можно сказать, всенародную.

Долгов свернул газету, вышел на платформу «Ромашково» и вдоль кладбища двинулся в сторону Немчиновки, нисколько не будучи расстроенным своей оплошностью.

Не знал тогда Николай Петрович, что не просто он перепутал электрички и не просто идет солнечным вечерком мимо заросшего старого кладбища – в новую свою судьбу идет, в новую жизнь, неожиданную и прекрасную. Новая жизнь всегда неожиданна и прекрасна. Идет, похлопывая свернутым «Комсомольцем» по ноге, улыбаясь проносющимся машинам, заходящему солнцу, самому себе улыбаясь, своим мыслям, легким и беззаботным.

Последним своим беззаботным мыслям.

Вот так идешь по жизни, балдеешь от птиц, цветов и запахов, оглянулся – а вокруг топь. А как выбраться – не знаешь, как забрел – не заметил. Такое примерно в эти минуты было состояние у Николая Петровича. Он еще не понял, что назад пути нет, что вокруг топь, хотя и красивая – цветы, тонкие березки, бабочки всех цветов радуги...

Топь – это не всегда и необязательно трясина, зыбь, провалы. Топь может принять образ потрясающей женщины, я это знаю, по себе знаю, топь может принять вид потрясающего «Мерседеса», это мне неизвестно, но представить себе могу, топь может обернуться потрясающей бутылкой водки... Настолько хорошей, что невозможно отказаться и от следующей.

Ребята, я говорю не только о водке, да и совсем даже не о водке. Это может быть опять же женщина, опять же деньги, опять же друзья, причем такие, что для тебя не будет ничего важнее в жизни, чем постоянно им нравиться. Нехорошее желание, чреватое, хотя, казалось бы, что в этом плохого – нравиться своим друзьям? Да, в этом нет ничего плохого, но само стремление нравиться постоянно и по любому поводу...

В этом есть что-то пагубное.

Возвращаемся к Николаю Петровичу – для него топь предстала в виде совершенно потрясающего ангара за невысоким забором – он увидел его, когда уже миновал кладбище, когда скрылась за поворотом платформа «Ромашково», и он вошел в Немчиновку. Ангар был сделан из какого-то химического полотна, имел небесно-синий цвет, обращаю внимание – не небесно-голубой, а именно небесно-синий, таким небо бывает в середине осени, когда солнце, когда прохладный уже ветер, когда березовые листья несутся над тобой и сквозь тебя.

Обычно за немчиновским забором можно увидеть старый дом, новый дом, сад, баню... А тут ангар. Больше десяти метров высотой и в глубину участка метров на двадцать. Самое важное то, что потрясло Николая Петровича и перевернуло все его жизненные планы и устремления, – белая бумажка на заборе. Он издали увидел крупные буквы «ПРОДАЕТСЯ».

Повинуясь чему-то неосознанному в себе, Николай Петрович подошел к калитке и тихонько ее коснулся. Калитка оказалась незапертой. Помедлив, он перешагнул невидимую черту чужого владения и оказался на участке.

Постоял.

Покричал раз-другой, опасаясь хозяйского гнева, ярости дурной собаки и вообще, чтобы потом никто его ни в чем не упрекнул. Никто не откликнулся, никто не вышел из ангара, никто не показался из-за забора.

И Николай Петрович решил, что может вести себя смелее. Он подошел к двери ангара, расположенной в торце и постучал.

Ответом ему была гулкая тишина.

Толкнув дверь, Николай Петрович убедился, что и она открыта. И он вошел, вошел, ребята, в нестерпимо, непреодолимо зовущий полумрак с почти неуловимым синеватым оттенком. Чего уж там мудрить – в новую жизнь вошел, в свою собственную новую жизнь, потому что назад хода ему уже не было. Что-то сместилось в расположении звезд, какие-то гены в нем самом вдруг образовали новую цепочку, и судьба его в эту самую секунду стала другой.

Наугад поведив рукой по стене вдоль двери, Долгов нащупал выключатель и нажал кнопку.

Вспыхнул свет.

Неяркий, несильный свет – несколько тусклых лампочек на длинных проводах, свисающих из темноты.

Ангар был пуст. Его пространство казалось бесконечным. Глянув вверх, Долгов не увидел покатога потолка, там затаилась темнота, а посмотрев вдоль ангара, он не увидел его конца. Не потому что ангар был так уж велик, нет, просто слабый свет лампочек не достигал противоположной стены.

Николай Петрович Долгов внимательно, даже с придирчивостью осмотрелся. Так может вести себя хозяин, вернувшийся после долгого отсутствия. Как ни странно это может показаться, но за недолгие минуты, пока он входил с улицы, проникал внутрь ангара, оглядывался по сторонам, у Долгова возникло чувство, будто он уже владеет всем этим.

Ему не понравились доски, разбросанные по полу, какие-то разбитые ящики, ребристая арматура. И лампочки не понравились – слабоваты, да и висят редко, не мешало бы их отражателями усилить.

Пройдя до противоположной стены, он и там обнаружил дверь – она тоже оказалась незапертой. Неизвестный хозяин как бы сознательно оставил все нараспашку, предлагая любому осмотреть ангар, присмотреться, попризадуматься.

Выйдя на яркий слепящий свет, Николай Петрович убедился, что участок продолжается и дальше, есть место, есть пространство, на котором при желании вполне можно разместить еще такой же ангар. Если возникнет надобность, если тесновато кому-то покажется в этом арочном помещении.

– Так, – произнес Николай Петрович, закрывая за собой калитку, вставляя в ржавые петельки такой же ржавый замочек, обнаруженный им на полу в ангаре. По-хозяйски уже закрыл калитку, нечего здесь, дескать, шастать кому попало. Присмотревшись еще раз к объявлению на калитке, Долгов обнаружил там телефон, по которому можно позвонить и поинтересоваться всякими подробностями. Объявление он сорвал, чтобы не глазели на него люди корыстные и бестолковые.

Есть, дескать, у этого помещения хозяин, есть.

А потом наступил месяц, в течение которого Николай Петрович Долгов сам, собственными руками перевернул свою жизнь до основания. От прежней не осталось ничегошеньки.

Прежде всего он встретился с хозяином ангара и распил с ним бутылку водки. А когда закончилась вторая, выяснилось, что все спорные вопросы между ними решены ко взаимному

удовольствию и взаимной выгоде. Далее Николай Петрович совершил нечто отчаянное и почти безрассудное – продал свою трехкомнатную квартиру в Москве, продал быстро, без колебаний, а к тому же еще и удачно. Квартира была в районе метро «Аэропорт», а это сейчас едва ли не самый желанный для всех район, продал по цене втрое большей, нежели когда-то купил, а купил он ее на последние деньги лет пять назад. С тех пор изменилось многое – квартира оказалась необыкновенно привлекательной, и двести тысяч долларов ему отдали легко и быстро.

Этих денег хватило на ангар с участком. Долгов все проделал с какой-то странной для него самого устремленностью. Он не раздумывал, не колебался, казалось, все, что нужно сделать, давно расписано на каком-то плане, и ему оставалось только действовать, как уже было сказано – отчаянно и безрассудно.

Однажды утром, пройдя по улочкам Немчиновки, он собрал десяток таджиков, шатающихся без дела в поисках заработка, и привел их в ангар. За неделю, несмотря на восточную лень, они привели ангар и все, что к нему прилегало, в порядок, мусор ссыпали в целлофановые мешки и вывезли в неизвестном направлении. Зачем ему было знать, куда водитель отвезет мусор, где сбросит и как потом будет удирать с этого места, – это были уже не долговские проблемы. Он шел дальше, рассекая немчиновский воздух крепким своим пятидесятилетним телом.

Откуда-то ему было известно, куда идти, кого искать, сколько денег предлагать и на какую сумму соглашаться. Откуда? От кого? Он никогда не занимался подобными делами, но оказалось, что жизнь, сама жизнь, и в очевидных, и в тайных своих проявлениях, подготовила его, забросила на платформу «Ромашково» и подсунула, прямо под нос сунула прекрасный, совершенно новенький ангар, который прежний хозяин привез откуда-то из благополучных франко-германских стран, соорудил и тут же потерял к нему всякий интерес.

Так бывает.

Так бывает гораздо чаще, чем может показаться. Касается ли это ангара, женщины, едва начатого романа, который неожиданно исчерпывает себя на двадцатой странице.

Знакомо, ребята, знакомо.

Встретив как-то на немчиновской платформе нескольких хохлов-западенцев, которые с унылой безнадежностью распивали из горлышек плохое теплое пиво, Долгов угостил их пивом хорошим и холодным. И тут же договорился – хохлы за неделю сложили ему забор с кирпичными столбиками, с железными воротами, врезали в них калитку и забетонировали подъезд от дороги к ангару.

Хохлам негде было ночевать, и Долгов, не раздумывая, купил пять раскладушек с матрацами и всех их уложил в ангаре. И не брал с них ни копейки за ночлег. Хохлы были счастливы и уже не пили плохое теплое пиво на немчиновской платформе. Они пили хорошее холодное пиво прямо в ангаре и, как уже говорилось, были счастливы.

Соорудив забор, установив по отвесу вертикально столбики, закончив бетонировать подъезд, хохлы с утра следующего дня принялись сооружать застекленную выгородку в самом ангаре, где через некоторое время получился кабинет Николая Петровича Долгова, там же разместился стол бухгалтера, чуть побольше стол заместителя – никого из этих людей еще не было, но они будут, будут, будут!

Николай Петрович Долгов нисколько в этом не сомневался. А чего ему сомневаться, если бухгалтером у него должна быть родная жена Катя, она же секретаршей, а заместитель...

Был на примете и заместитель. Как-то ожидая электричку на Белорусском вокзале, в одной полуподвальной забегаловке за кружкой пива он познакомился с бойким молодым человеком – его звали не то Валентин Евгеньевич, не то Евгений Валентинович, неважно. С тех пор они несколько раз случайно встречались в той же забегаловке. Валентин или Евгений, как там его, рассказал Николаю Петровичу кучу занятных историй и в общем как-то приглянулся. Он оказался почтителен, исполнителен и даже предупредителен чуть больше, чем это требо-

валось. Такой уж человек, куда деваться. Все эти качества были не самыми плохими и вроде не должны были мешать ему исполнять свои обязанности. А в его обязанности, по мысли Долгова, могли войти снабжение, сбыт и реализация продукции.

Короче – взял Долгов себе в заместители Епихина Валентина Евгеньевича. Взял.

Теперь о продукции.

Затеял Долгов мебельное производство. Простенькие диваны, кресла, столы для дач, табуретки, стульчики и прочую мебельную мелочовку вроде полочек, подставочек, тумбочек. В ближнем и дальнем Подмоскovie все это находило сбыт устойчивый, надежный и постоянный. Николай Петрович не жадничал, цены назначал божеские, хотя заместитель не всегда одобрял такую политику, называя это попросту расточительством. Не один раз предлагал он Долгову поднять цены, но Николай Петрович не уступал, понимая, что сбыт сразу упадет. А пока фирма действовала, он не хотел рисковать.

И правильно, наверное, делал. Чего там дурака валять – цены он, конечно, повышал, но настолько плавно и незаметно, что это ни у кого не вызывало нареканий – ни у оптовых покупателей, ни у физических лиц, как ныне стали выражаться даже самые простые наши граждане.

С тех пор прошло пять лет.

И наступил сегодняшний день.

Тот самый день, когда Валентин Евгеньевич Епихин спустился в полуподвальную забегаловку и случайно услышал, а услышав, записал номер телефона некоего Михася, которого он как-то угостил кружкой пива в этом самом месте. Вообще-то он тогда угостил двух бедолаг – Михася и его приятеля Алика, но это уже большого значения не имеет.

Главное – телефон записал.

И одним только этим, вроде бы невинным поступком, за который никто не мог его упрекнуть, он запустил, запустил сложный механизм, чреватый, между прочим, последствиями рисковыми и непредсказуемыми. В результате все те преступления и злодейства, невидимые и как бы еще несуществующие, таившиеся в темных подворотнях душ слабых и завистливых, так вот, эти самые преступления и злодейства, словно глотнув свежей, дымящейся крови, вдруг обрели силу, желание действовать и вмешиваться в дела человеческие.

И началось.

У Валентина Евгеньевича Епихина была привычка, о которой никто не знал, это была внутренняя его привычка или, можно сказать, внутреннего пользования. Что бы он ни делал, как бы ни поступал, какие бы слова ни произносил, он тут же про себя объяснял сказанное или сделанное некоему человеку, который когда-нибудь в будущем потребует у него объяснений. И Епихин заранее оправдывался и доказывал свою невинность.

Согласитесь, странная привычка. Она была бы естественной для человека, который постоянно совершал нечто криминальное. Такой человек поступал бы правильно, убеждая Следователя, будущего Следователя, в своей чистоте и непорочности. Да, это было бы просчитывание криминальных своих деяний и попытка обезопасить себя – найти объяснение, оправдание, причину – почему ты оказался здесь, по какой такой надобности, что тебя сюда привело, что заставило залезть в эту форточку, спилить замок, сунуть руку в не принадлежащий тебе карман, отнять у беззащитной тетеньки сумку, кошелек, чемодан... А что еще можно отнять у тетеньки? Все, что у нее было ценного – жизнь уже отняла.

Но для законопослушного гражданина, заместителя директора преуспевающей фирмы, пусть небольшой, с несколькими десятками работников... Странно это и необъяснимо.

Вот записал он телефонный номер соседа по забегаловке, пока неизвестного ему Михася, а ведь это след, улика, доказательство! Следователь, обнаружив запись в его блокноте, конечно, спросит:

– А скажите, уважаемый Валентин Евгеньевич... Чей это телефон в вашем блокноте?

– Понятия не имею, – думает про себя Валентин Евгеньевич. – Мало ли там каких номеров позаписано.

– Но это телефон Михася! – воскликнет Следователь, веселясь от подвалившей удачи. – Вы знаете, по какой статье он обвиняется? Вы знаете, что ему инкриминируется? – скажет Следователь, наслаждаясь произношением слова ученого, заковыристого, гордясь знанием этого слова и мира опасного, криминального, наполненного выстрелами, кровью, а то и трупами человеческими.

– Не знаю я никакого Михася! – Валентин Евгеньевич знал наперед, что есть у него ответ достойный и неуязвимый, но произносить его надо не сразу, надо дурака повалить, попридуриваться, плечиками попожимать, а уж потом, словно вспомнив случайно, словно мысль его озарила неожиданная и спасительная... Вот так примерно, вот так, гражданин начальник.

– Ну посмотрите, может быть, вспомните, – куражась, Следователь протянет ему блокнотик. А Валентин Евгеньевич, вроде как бы нехотя, через силу возьмет, всмотрится в цифирьки, поднимет глазки свои голубенькие к потолку и пробормочет...

– Пойдите, пойдите... Что-то мне припоминается... Да-да! Я, кажется, действительно встречался с этим человеком...

– Ну вот видите! – Следователь. – Еще небольшое усилие и вы обязательно вспомните... Я верю в вас, Валентин Евгеньевич!

– Вспомнил! – воскликнет Епихин. – Ну конечно, я видел этого человека. Я пиво с ним пил!

– Видите, как славненько! – подхватит Следователь. – А ты, глупенькая, боялась...

– Да, – твердо скажет Валентин Евгеньевич, не замечая издевки. – Мы пили с ним пиво! Возле Белорусского вокзала. Там забегаловка в полуподвале. А разливает пиво Фатима...

– Фамилия! – подпрыгнет Следователь.

– Откуда мне знать, какая у нее фамилия... Пиво разливает, на орешки не скупится... И слава богу! А этот... Как вы его называете? Михась? Однажды оказался с приятелем без денег и спросил, так вежливо, обходительно спросил... Не смогу ли я в долг угостить их... Я и угостил. Взял по кружке. И тогда же он дал мне свой телефон, чтобы я не сомневался в том, что деньги он вернет.

– Вернул? – поскучневшим голосом спросит Следователь.

– Пока нет... Но я не теряю надежды. А с другой стороны, его долг – сто рублей... Не разорюсь.

– И есть люди, которые все это подтвердят? – уже сурово спросит Следователь.

– Фатима же и подтвердит! Я тогда ее попросил – налей, мол, ребятам, заплачу. И она налила.

– С тех пор вы не виделись?

– Ни разу, – извиняюще улыбнется Валентин Евгеньевич, до счастливых мурашек ощущая собственную неуязвимость. Не зря же он несколько раз спросил у Фатимы об этих ребятах, посетовал на потерянную сотню – теперь она уж наверняка вспомнит эту историю и подтвердит ее, когда угодно и кому угодно. И гуляйте, гражданин начальник, гуляйте. Наскучили мне ваши вопросы глупые и бестолковые, – это уже про себя добавил Валентин Евгеньевич, вышагивая по Ленинградскому проспекту в сторону метро и чувствуя при этом тепло от маленького блокнотика, в котором таились цифры телефонного номера Михася.

Епихин Валентин Евгеньевич жил недалеко от Белорусского вокзала. Если ехать на метро, его станция следующая – «Краснопресненская». Там он и жил в переулках рядом со зверинцем, куда заглядывал время от времени полюбоваться на жизнь дикую и диковинную.

Но сегодня он не торопился домой. Поднявшись на поверхность из подземелья метро, высмотрел телефонную будку и, сунув в щель карточку, набрал номер, который записал совсем недавно.

- Михась? – спросил он, стараясь говорить голосом грубоватым и напористым.
- Ну, – утвердительно ответил тот, видимо, все еще попивая пивко в забегаловке.
- Деньги есть?
- Кто говорит? – игриво спросил Михась.
- Спрашиваю – деньги есть?
- Кто говорит?! – В голосе Михася прозвучали истеричные нотки.
- Повторяю, – спокойно, уверенно и потому нагло спросил в очередной раз Епихин. –

Деньги есть?

- Нету! – заорал в трубку Михась. – Понял?! Нету!
- Я еще позвоню, – сказал Епихин и повесил трубку.

Для начала этого было вполне достаточно. Последние слова Михась почти визжал в трубку, а именно это и требовалось. Он запомнит этот разговор. И наверняка будет рассказывать о нем всем своим приятелям...

– А вот этого уже не надо бы, – вслух пробормотал Валентин Евгеньевич и снова набрал номер Михася.

- Ну? – повторил тот.
- О моем звонке никому ни слова, понял?
- Ты кто, мать твою?!
- Повторяю – никому ни слова. Я еще позвоню.

И Епихин повесил трубку чрезвычайно собой довольный. Все он сделал правильно, вроде все предусмотрел, и Следователь не возник перед его мысленным взором со своими вопросами и подозрениями. Епихин даже попытался усилием воли вызвать его из небытия, чтобы услышать хоть какой-нибудь хиленький вопросик, но нет, Следователь отказался даже появиться.

– То-то, – пробормотал Епихин и размеренным шагом направился к подземному переходу, чтобы выйти уже у зверинца и, свернув за угол, оказаться недалеко от своего дома. По дороге у него был неплохой продуктовый магазин, где он постоянно покупал пакеты с грибным супом «магги». Любил Епихин все грибное и готов был, кажется, питаться одними грибами. Но это было невозможно, и поэтому он взял еще телячьей колбасы, бананов, апельсинов и лимонов – все это любила маленькая красивая девушка Жанна, с которой он пребывал в гражданском браке, как выражаются люди грамотные и слегка подпорченные западными жизненными ценностями. Он любил Жанну и не скупился на признания, если уж откровенно, то он для нее ни на что не скупился. Однокомнатная квартира в большом доме, доставшаяся ему от родителей, вполне их устраивала, тем более что Епихин, опять же не поскупившись, сделал из нее очаровательный уголок для жизни и любви.

– Ну и что? – приветствовала его Жанна, не поднимаясь с большого цветастого дивана в углу комнаты.

– Все, как прежде, – отвечивал Епихин, пронося сумку с продуктами на кухню.

– Ты меня еще немного любишь? – прокричала из комнаты Жанна – она лежала на спине, закинув руки за голову и переплетя ноги так, что смотреть на них у Епихина не было никаких сил.

- Местами, – ответил он.
- И много у меня этих мест осталось?
- А ты вся из них и состоишь.

– Надо же, – озадаченно проговорила Жанна и, перевернувшись на живот, поднялась с дивана. – А чем будем питаться? – спросила она, проходя на кухню.

– Что бог послал, – Епихину легко было разговаривать с Жанной о чем угодно. Она подхватывала любые его слова, каждый раз оставляя местечко для ответа. Их разговоры лились свободно, необязательно, так может литься и журчать ручей в лесной траве, так может звенеть

ночной дождь по карнизу, а еще их разговор можно было сравнить с мурлыканьем ухоженного кота, который не ожидает ни пинка, ни грубого слова, ни веником по морде.

Любил Епихин эту женщину, она об этом знала, поскольку каждый день получала маленькие, не видимые постороннему глазу подтверждения – незаметное касание в метро, шаловливая гримаса за столом, а еще любил Епихин тайком сунуть Жанне в кошелек тыщонку-вторую. Она находила эти деньги, тратила, не забывая купить Епихину какой-нибудь пустячок – носовой платок, носки, галстук. И так же тайком клала подарки на его полку, в карман пиджака, в туфли, оставленные в прихожей.

Все было хорошо, все было у них хорошо, если бы вот только, если бы вот только...

Если бы Епихин на этом и остановился.

А он не мог остановиться.

Ну что делать – не мог.

А кто сможет?

Кто удержится и не переступит черту, через которую переступать не надо бы, и нельзя через эту черту переступить... Но если все так удачно складывалось до этого, как удержаться от соблазна... К удачам, так же, как и к неудачам, привыкаешь и невольно думаешь, что они будут продолжаться – у кого удачи, у кого – неудачи, начинаешь верить, что это и есть закон жизни, закон твоей жизни.

И потом, знаете, как бывает... Самые крутые решения в жизни принимаются не сразу, они постепенно овладевают человеком, и часто он даже не замечает, как оказывается во власти предстоящего решения, и отказ от него выглядит уже бегством, слабостью... А кому хочется выглядеть слабым в собственных глазах или в глазах любимой женщины...

Ну записал он номер, случайно услышанный в пивной, что здесь плохого? Ну, позвонил по этому номеру, пошалил, грубым голосом слова произнес... Что в этом плохого? И даже общение со Следователем, с придуманным Следователем, который живет в нем самом и задает каверзные свои вопросы...

Ну и пусть задает.

Каждый сочиняет себе игры, в которые играет с собой же, придумывает приметы, истолковывает свои сны и верит в правильность своего толкования...

Жанна подошла к Епихину, не обнимая, прижалась к нему, постояла так несколько секунд и ушла в комнату. А ему больше ничего и не надо было – они вместе, у них все в порядке и они счастливы, хотя, может быть, не догадываются об этом. Это потом, когда все случится, чему положено случиться, они вспомнят эти дни и поймут, что были счастливы. И поймут, что больше не будут счастливы.

А вечером, после американского ужастика, в котором какие-то ненасытные привидения преследовали живых людей и пили их кровь и не могли напиться... В общем, после всего этого Епихин вышел прогуляться, добрал до станции метро «Баррикадная» и снова набрал уже знакомый номер, набрал, ребята, не удержался.

– Михась! – спросил он все тем же не своим голосом. – Деньги есть?

– Нету, – уже спокойнее ответил Михась, начиная понимать, что на шутку все это мало похоже.

– Будут, – ответил Епихин и повесил трубку. Для начала этого было вполне достаточно. Шагая домой, он снова попытался поговорить со Следователем, но тот не пожелал возникнуть. Не о чем им было говорить, повод еще не появился.

Закончив разговор, Михась некоторое время с недоумением смотрел на табло телефона: номер, с которого ему только что звонили, совершенно незнаком.

– Кто звонил? – спросил Алик, рассматривая сквозь кружку Фатиму за стойкой.

– Понятия не имею! – ответил Михась все еще раздраженно.

- Чего хотел?
 - Не знаю.
 - О чем говорил? – Алик продолжал задавать вопросы, не придавая им ровно никакого значения – ответит приятель, хорошо, не ответит – тоже хорошо.
 - Про деньги спрашивал.
 - Какие деньги? – Алик наконец проникся важностью разговора. – Долг?
 - Да нет, – Михась передернул плечами. – Интересовался, есть ли у меня деньги.
 - И ты его не знаешь?
 - Не знаю, обещал еще позвонить.
 - Ну и послал бы его подальше!
 - Послал, – слукавил Михась.
 - Может, он ошибся номером? – предположил Алик.
 - Нет... Спросил – Михась? Не нравится мне все это... Что-то затевается.
 - Значит, еще позвонит... Он же обещал?
 - Обещал – требовал деньги?
 - Нет... Просто спросил – есть ли у меня деньги.
 - А ты?
 - Да ладно тебе, заладил... А ты, а он... Я все сказал. Не знаю я этого мужика и никогда дела с ним не имел. Фиг его знает, чего хотел.
 - А номер телефона отбился?
 - Из автомата звонил.
 - Все понятно! – Алик махнул рукой. – Надо взять еще по кружке пива. Тут без второй кружки не разобраться. Берем?
 - На какие шиши?
 - Фатима даст.
 - Догонит и еще раз даст, – проворчал Михась.
- В этот момент опять зазвонил телефон. Торопясь и путаясь в кармане, Михась достал мобильник и прижал его к уху. Алик напряженно уставился ему в лицо.
- Ну? – проговорил Михась, раздражаясь. – Ты кто, мать твою?!
- Но звонивший, видимо, уже отключил связь.
- Опять он? – спросил Алик.
 - Он. Сказал, чтобы о нашем разговоре никому ни слова.
 - Придурок!
 - Кто бы он ни был, – медленно проговорил Михась, – а болтать и в самом деле не надо. Понял? Не надо. Что-то затевается.
 - Про деньги больше не спрашивал?
 - Сказал только, чтоб никому не говорил. Но ты уже знаешь. Смотри, не трепаться. Что-то затевается, – повторил Михась. – Он еще позвонит.
 - Откуда он знает твой номер?
 - Сказал же – не знаю! Иди к Фатиме, проси пива в долг. Часы оставь в крайнем случае. Носки... Хотя у тебя такие носки...
 - Честно говоря, у меня и часы не лучше.
 - Но они хотя бы не воняют.
 - Михась... Не надо так. Чуть помягче, ладно?
 - Проехали, Алик. Неси пиво.

И Михась, и Алик, наверное, в чем-то главном все-таки были похожи, или скажем иначе – сходились. Они были почти ровесники, к тридцати дело шло, вроде как бы уже пора было и определиться в жизни, но что-то не задалось. Один в институт и не поступал, второй поступил, но бросил, вовремя поняв, что ни геодезия, ни картография нисколько его не интересуют и не

привлекают. Мелькали иногда какие-то работенки, однажды даже как-то устроились проводниками на железную дорогу, но после нескольких рейсов Москва – Екатеринбург разочаровались, осознав, что эта работа не для каждого, это на любителя.

У обоих время от времени мелькали женщины, неплохие женщины, можно сказать, красивые, из продавцов, в основном официанток, одна занималась проведением праздников, шарики на гирляндах развешивала, одна даже Дедом Морозом была, у елки и познакомились. Но они не задерживались, без скандалов и выяснения отношений тихо исчезали, похоже, ко взаимному облегчению.

Оба жили в семьях, их жалели, поддерживали деньгами, дарили пиджаки, которые кому-то стали тесноваты, рубашки, которые выходили из моды, но не упускали случая напомнить, что так будет не всегда, что пора за ум браться...

Такое отношение их задевало, но изменить они ничего не могли, более того, с каждым годом даже возможности перемен как бы таяли, исчезали, и обоих частенько охватывало ощущение, что вокруг сужается какое-то невидимое кольцо из обстоятельств, неудач, безденежья...

Да! И годы!

В этом сжимающемся кольце годы тоже как бы принимали посильное участие.

Тяжело...

А думаете легко видеть пронсящиеся мимо роскошные машины, провожать взглядом красавиц, понимающих тебя с полувзгляда, с полуслова! А витрины, которые ломаются от товаров, о существовании которых даже не подозревал всего несколько лет назад! А ночные клубы и рестораны с закусками и напитками, которых не то что не купишь, а и не увидишь днем! А девушки в этих ресторанах – таких тоже не увидишь днем, а если и увидишь – не подойдешь, не осмелишься.

И случилось неизбежное – юношеская смешливость исчезла, уступив место настороженности, нервности и, как бы это сказать... Недоброму брюзжанию. Слишком многое у обоих стало вызывать осуждающий, хрипловатый смешок, даже не смешок, выдох с таким вот смешком...

При этом жизнь шла безрадостная и однообразная. О чем говорить, если случайный звонок незнакомого человека так разволновал обоих, что, даже выйдя из забегаловки, они продолжали обсуждать это маленькое событие. А когда уже вечером снова зазвонил телефон и незнакомец, заговорив о деньгах, произнес короткое слово «будут», Михась, не совладав с собой, поехал к Алику – звонить не решился. Что-то остановило его, каким-то криминальным сквознячком как бы дунуло в лицо. Он даже не зашел к Алику домой – мобильником вызвал во двор и на дальней перекошенной скамейке сообщил новость.

– Слушай... Это... Он опять звонил.

– И что? О деньгах спрашивал?

– Спрашивал.

– А ты?

– Сказал, что нет денег.

– А он?

– Понимаешь... Тут что-то намечается, я же говорил тебе – что-то намечается, – Михась непрерывно тер колени ладонями, словно пытаясь что-то стереть с них, от чего-то избавиться. – Он сказал одно слово... И отключился.

– Какое слово?! – заорал, потеряв терпение, Алик.

– Он сказал... «Будут деньги».

– Так, – полноватый Алик порывисто встал со скамейки, ушел в темноту, вернулся, сел, но тут же вскочил снова и наконец остановился перед сидящим Михасем. – Так, – повторил

он. – И что ты думаешь по этому поводу? Может, кто-то шутки с нами шутит? Придурок какой-нибудь, а?

– Не похоже, – протянул Михась, зябко кутаясь в курточку. На улице было нехолодно, похоже, у него начался нервный озноб. – Да и голос незнакомый...

– Свой телефон он не оставил?

– Ха! – ответил Михась.

– У меня вопрос, – проговорил задумчиво Алик. – Какие деньги он называет деньгами?

– Вопрос, конечно, интересный, – тяжело вздохнул Михась. – Чует мое сердце – что-то рискованное у него на уме, иначе не стал бы таиться. Допустим, на даче поработать, забор соорудить, яму для туалета вырыть...

– Для таких работ есть Киевский вокзал – там полно мужиков с Украины околачивается. Мы с тобой не годимся для подобных затей. Единственное, что приходит в голову... Торговое что-то, может, наркотики, оружие, взрывчатка... Доставить, передать, отвезти, привезти... Так примерно.

– И что? Возьмемся?

– Прикинем степень риска... Говорю же – какие деньги он называет деньгами. А вообще-то... Почему бы и нет? Почему бы и нет, Михась? Не идти же грузчиками к азербайджанцам!

Шло время, медленно, но неуклонно двигалась по небу луна. Пока друзья сидели, обсуждая странные телефонные звонки, она пересекла расстояние между двумя соседними домами и теперь, выйдя из-за деревьев, смотрела прямо им в лицо, словно интересуясь их прикидками. Да, разговор неизбежно скатился к мечтам – хорошо бы съездить куда-нибудь, кое-что прикупить к осени, с красивой девушкой познакомиться... Неплохо бы, черт возьми, наконец, зажить по-человечески!

Алик ушел в темноту, словно скрываясь от пристального взгляда луны, а вернувшись, снова остановился перед Михасем.

– Слушай, – сказал он. – Ты это... Меня не кидай.

– А почему ты решил...

– Ничего я не решал. Решать будешь ты. Этот хмырь опять тебе будет звонить... Так и скажи, что нас, дескать, двое. И если он что-то там задумал, пусть имеет в виду это маленькое обстоятельство. Скажешь?

– Скажу, конечно... – неуверенно протянул Михась.

– И что тебя смущает?

– Меня давно уже ничто не смущает... Ты пойми, Алик, я ведь не знаю, чего он хочет...

– А чего бы ни хотел! Любое дело вдвоем делать лучше, чем одному. Мы с тобой через многое прошли и, сдастся мне, через многое еще придется пройти.

– Пройдем, – кивнул Михась, и опять в его голосе была неуверенность.

– Может, дашь ему мой номер телефона?

– А на фиг?

– Тоже верно... Уж если он твой как-то раздобыл, то пусть на твой и выходит.

Друзья еще поговорили некоторое время, но разговор шел какой-то пустоватый – нечего было обсуждать. Никаких зацепок таинственный звонарь им не дал, кроме невнятного обещания денег. Да и обещанием-то его слова назвать было нельзя. Обронил словцо «деньги»... И все. А что имел в виду, да и имел ли что-нибудь или просто покуражился...

– Пойду я, – поднялся со скамейки Михась. – Поздно уже. Будут новости – позвоню.

– Ну, пока, – ответил Алик.

И оба, наспех пожав руки и ссутулившись, разошлись в разные стороны.

Николай Петрович Долгов проводил производственные совещания легко, даже как-то беззаботно, словно речь шла не о десятках тысяч долларов, не о покупке древесины, ткани

и всевозможной атрибутики, а о покупке, допустим... Допустим, бутылки шампанского для застолья. Стеклянная перегородка отделяла кабинет от остального ангара, в котором визжали пилы, завывали дрели, матерились рабочие, но, как и владелец предприятия, матерились весело и опять же беззаботно.

Напротив Долгова сидел его заместитель, он же снабженец и реализатор продукции Валентин Евгеньевич Епихин – человек молодой, шустрый, цепкий и, самое главное, исполнительный. Бессловесным его назвать было нельзя, мнение свое имел, частенько его высказывал, но не настаивал, прекрасно понимая, что он не владелец фабрики, а только совладелец, ему принадлежала четвертушка – в точном соответствии с количеством внесенных денег. Третьей в кабинете была жена Долгова – женщина моложе мужа лет на пятнадцать, а по виду ей можно было дать еще меньше, по виду она только приближалась к тридцати, хотя на самом деле этот неприятный рубеж несколько лет назад перешагнула. Звали ее Екатерина Васильевна и числилась она бухгалтером. При Долгове заместитель с ней почти не разговаривал, но когда Николая Петровича поблизости не было, даже позволял себе шутки шутить, иногда рискованные шутки, на что Катя шало смеялась, показывая ровные белые зубки, и не слишком настойчиво грозила пальчиком – осторожней, Валентин Евгеньевич, я замужняя женщина, и не все, далеко не все шуточки можете произносить вслух.

– Ну, что, дорогие товарищи, – проговорил Долгов, – начнем?

– Поехали, – сказала Катя.

Епихин промолчал – его согласия не требовалось. Во всяком случае, он так считал. В общем-то, не слишком и ошибался.

Епихин встал, прошелся по кабинету, постоял за спиной Долгова, рассматривая его стол, бумаги, телефон, тут же лежал мобильник, готовый завизжать требовательно и истерично в любую секунду. Взгляд Епихина задержался на фотографии в рамке. Насмотревшись американских фильмов, наши новые бизнесмены переняли их привычку ставить на служебных столах фотографии жены, детей, самого себя в их обществе и, что обязательно, – все должны быть веселы, все должны и в будущее смотреть уверенно и радостно. И у Долгова на столе была такая фотография – с женой Катей и дочкой Светой. Кто-то снял их дома, на диване, изготовленном в этом вот ангаре, и каждый покупатель видел, как счастливы люди, купившие диван производства этой вот фирмы. И хозяин счастлив, и жена его улыбается, бесстрашно глядя в предстоящие годы, и дите вырастает сытым и румяным.

Такая вот фотография стояла у Долгова на столе. Великовата, правда, у американских делег на столах стоят поменьше. Но это уж кому как нравится.

– Мое предложение звучит так... – продолжил Долгов. – Нам надо встык с этим ангаром построить еще один. Между ними будет вот эта стеночка с дверью и воротами. А там дальше новое производство.

– Табуреточное? – улыбнулась Катя.

– Совершенно верно. Табуреточное. Табуретки, столы, стулья и прочие кухонные причиндалы. И все только из сосны. Хорошо обработанная сосна. И еще одно – все эти вещи должны исполняться с разумным отказом от экономии материала.

– Это как? – не понял Епихин. – Экономия отменяется?

– Да, Валя, да. Экономия отменяется. В разумных пределах. Мы будем делать столы с утолщенной столешницей, с тяжеловатыми, но хорошо обработанными ножками... Я внятно выражаюсь?

– Тяжеловесную мебель решили изготавливать, Николай Петрович? – спросил Епихин. Хотел он того или нет, но вопрос прозвучал с издевкой, и Долгов это уловил. И в ответ только кивнул. Да, дескать, совершенно правильно, все так и есть, будем делать тяжеловесную мебель.

– Поясняю. Мы не будем делать изящные, точеные кухонные табуреточки, которыми завалены подмосковные магазины. Украшением нашей продукции будет хорошо обработанная

сосновая поверхность. Она будет светиться на солнце, Валентин Евгеньевич, и радовать глаз не только покупателю, но и его детям, а то и внукам. Я бы, например, не отказался приобрести такой комплект кухонной мебели. А если не отказываюсь я, то не откажется и многомиллионная армия наших уважаемых потребителей.

– Вы у нас вроде лакмусовой бумажки, – усмехнулся Епихин.

– Я готов быть для вас даже туалетной бумажкой, но мы запустим эту мебель.

– Когда будет ангар, – уточнил Епихин.

– Да, когда будет ангар.

Разговор неожиданно, как бы на ровном месте, вдруг приобрел некоторую остроту. Никто не возражал Долгову, но сопротивление, невысказанное, внутреннее сопротивление он почувствовал, и привычная улыбка незаметно сползла с его лица. Теперь за столом сидел властный, упрямый руководитель.

– Есть эскизы? – невинно спросила Катя, и Долгов снова улыбнулся, благодарный за мимолетную поддержку.

– Есть прекрасные эскизы! – воскликнул он. – Я просто пошел на выставку под названием «Сосна» и набрал там проспектов – от табуреток до вешалок. Люди уже все придумали, нам остается только поблагодарить их за проделанную работу, – он вынул из ящика стола пачку глянцевиных проспектов с выставки. Все предметы, от табуреток и до вешалок, действительно выглядели прекрасно. Да, они были тяжеловатыми, но в этом была добротность, надежность, о которых люди давно забыли, привыкнув за свою жизнь к вещам, сделанным кое-как, вещам, которые, принеся из магазина, нужно было подгонять, соскабливать заусеницы, покрывать лаком, выравнивать ножки, склеивать...

– Эти вещи будут дорогими, – пробормотал Епихин, листая проспекты, причем листал он как-то нервно, не глядя в фотографии, а как бы даже преодолевая свое раздражение.

– Да! – радостно воскликнул Долгов. – Они будут дорогими. Но оправданно дорогими! Покупатель это чувствует. Он сразу видит, когда его дурят, а когда предлагают нечто достойное.

– А сосна должна быть выдержанной, – продолжал Епихин.

– Да! – опять закричал Долгов. – Она должна быть сухой, без трещин, она должна быть достаточно толстой, никакие хлысты тут уже не пройдут!

– Да уж, – пробормотал Епихин.

– Тут тебе, Валя, придется подсуетиться!

– Подсуетимся.

– Что-то я не вижу восторга в твоих глазах? Что-то я не вижу радости безудержной? А?

– Будет радость, – заверил Епихин унылым голосом. – И восторг будет, и ликование.

– А для ликования у меня есть другой повод, – Долгов лег грудью на стол. – Докладываю – сегодня я заплатил за новый ангар. Завтра привезут. И через неделю установят.

– Ни фиги себе! – присвистнул Епихин. – А фундамент, опоры, прочая дребедень?

– Вот на это и уйдет неделя. А сам ангар установят за день-два. У них это отлажено, специалисты подготовленные.

– Их тоже надо оплачивать?

– Установка за счет фирмы-продавца.

– Ну хоть маленькое послабление, – облегченно вздохнул Епихин. – И сколько стоит такой ангар?

– А! – Долгов беззаботно махнул рукой. – Спроси у бухгалтера, она лучше знает.

– А люди?

– Наконец-то я услышал дельный вопрос. – Подумал я о людях. Проблема решаема. Докладываю. Некоторые ребята из первого ангара перейдут во второй. В первом возникнет легкий напруг, но не надолго. У некоторых наших работников есть на примете друзья-при-

ятели, обещали привести. Я заглянул на две-три мебельные фабрики, многие соблазнились нашими условиями.

– Нехорошо переманивать, Николай Петрович!

– Почему плохо? – простодушно удивился Долгов. – Что же здесь плохо? Я же им предложил большую зарплату, а не меньшую! Немчиновские – те просто все согласны к нам перейти. Чего им таскаться каждое утро на электричках, автобусах... Нет-нет, совесть меня не мучает.

– А вы ее?

– Хороший поворот! Настоящая проблема – станки. Но мыслишка есть. Не все сейчас мебельные фабрики работают. Не все. Мне удалось узнать адреса двух законсервированных. Вернее, адреса их владельцев. Поговорим. Авось и они соблазняются.

– Денег хватит?

– Авось! – Долгов опять беззаботно махнул рукой. – Перебьемся, переморгаем, оботремся... Где наша не пропадала!

– А наши оптовики возьмут новую продукцию? – спросила Катя, рассматривая проспекты с выставки.

– Еще один хороший вопрос. Я поговорил со многими, показал картинки... Сомнения у них, конечно, есть, но попробовать никто не отказался.

– И ты уверен в успехе? – спросил Епихин.

– Валя! Ровно на сто процентов. И не надо нам тряпок, скоб, пружин и прочего дерьма. Только хорошие станки и дерево. Все. Ну и, конечно, клей, лак. Если дело пойдет, мы оба ангара переведем на сосну. Монополистами, блин, станем! – Долгов расхохотался.

Глядя на него, невольно улыбнулись и Епихин с Катей.

Совещание закончилось.

Казалось бы, все хорошо, все мило и достойно. Но Епихин возвращался домой с саднящим чувством. Да, прибавилось работы, но это его работа, они с Долговым договорились, что снабжение и реализация будут на нем, а вся производственная текучка – на Долгове. Здесь все правильно. Но он не мог не видеть, не мог не понимать, что он здесь только снабженец. Все решения принимаются без него, с ним не то что не советуются, его попросту не ставят в известность, и только когда все решено и даже деньги заплачены, ему сообщают то, что находят нужным. И для того лишь, чтобы нагрузить новыми заботами и хлопотами.

– Ну, ничего, разберемся, во всем разберемся и со всеми разберемся, – бормотал он, глядя в мутное стекло электрички. – Разберемся, дорогие товарищи, разберемся, уважаемые господа... И недолго ждать осталось.

Задевало Епихина и то, как к нему относились рабочие – они попросту его в упор не видели. По любому вопросу обращались или к Долгову, или, в крайнем случае, к бухгалтеру, прекрасно понимая, что Катя не просто бухгалтер, а еще и жена Долгова.

А Епихин...

Ну что Епихин, о чем с ним говорить-то?

Не о чем с ним говорить.

Как-то Епихин, не сдержавшись, все это высказал Долгову, чем поверг того в изумление.

– Валя! – воскликнул он. – Не понимаю! Мы же договорились, что производство на мне. Тебе хочется ковыряться во всех этих проблемах? Я же не лезу к твоим снабженцам, оптовикам, торгашам! Ты возишься с ними и возись. Согласен? Ну, скажи, что согласен!

– Так-то оно так, да вот только...

– Не пудри себе мозги! И не бери в голову! Если рабочие сунутся к тебе со своими болячками – ты первый взвоешь! Попросту взвоешь. Собирайся лучше в Польшу – у них ткани приличные и цена божеская! У нас скоро диваны обивать нечем будет. Я дам тебе адреса, пошатайся там, только осторожней, публика вороватая... Помнишь, у нас как-то была ткань с

высоким ворсом да еще и в полосочку... Те диваны за две недели ушли! Вот такую ткань ты должен найти кровь из носу. Заметано?

– Когда?

– В понедельник. Там и загрузись, на машине вернешься, чтоб по дороге ничего не случилось.

– А что может случиться?

– Когда имеешь дело с поляками... Все, что угодно, может случиться. Утруска, усушка, может оказаться, что привезешь совсем не тот материал, который отобрал, оплатил и сам загрузил. Заметано?

– Так пломбы же, – попробовал возразить Епихин.

– Валя! – расхохотался Долгов, как всегда, неожиданно и некстати. – Пломбу ставят люди. Люди их и снимают. Люди ставят новые пломбы, еще краше прежних! Я так понимаю – если наши на луну слетали, то и пломбы сообразят, как потревожить. Заметано?

– Деньги.

– Сегодня нету, но я Кате уже дал команду. Дня через два-три получишь. А пока вертись на собственных накоплениях.

– Там тех накоплений...

– Не ворчи, Валя. Через три дня восполнишь свой тайничок, сундучок, чулок или где ты их прячешь!

Такой вот разговор состоялся у Епихина с начальством и, как всегда, оставил чувство тягостное и даже с ноткой оскорбленности. Это надо признать – Епихин частенько чувствовал себя оскорбленным и далеко не всегда для этого был повод. Он мог обидеться на машину, которая обрызгала его водой из лужи, на кошку, которая некстати дорогу перебежала, обижался он и на красивую девушку Жанну, хотя ей свои обиды не высказывал, в себе носил, пока они не рассасывались, как может рассосаться доброкачественная опухоль.

Все было, как обычно, – Фатима смуглой своей дагестанской улыбкой блистала за стойкой бара, к вечеру постепенно подходили постоянные посетители, рассаживались за любимые свои столики, издали показывая Фатиме, чего они хотят и сколько – кому большой бокал, кому маленький, а кто-то решается на стопку водки. Жесты знакомы, всем понятны. Многие здороваются, хотя нигде, кроме этой забегаловки в полуподвале у Белорусского вокзала, не встречаются.

Пришел Епихин.

Еще от входа помахал Фатиме рукой, показал растопыренной ладонью, что бокал ему нужен один, большой, а пиво, как обычно, – «Невское светлое». Фатима кивнула, жестом спросила, нужны ли фисташки, Епихин развел руки в стороны, мол, а как же иначе, что же это за пиво без фисташек. Фатима показала баночку – дескать, фисташки будут получше, порция побольше и, конечно, подороже. Епихин в ответ кивнул – конечно, давай, где наша не пропадала. И сел за свой давно уже облюбованный столик в углу.

Это был тот самый день, когда к Фатиме зашли те самые двое парней, которых уже больше недели пытался увидеть Епихин.

Пришли.

На этот раз и Михась, и его толстоватый приятель Алик были молчаливее, как бы примирившие – не то чего-то ожидали, не то что-то у них случилось. Не кричали по мобильнику, не шумели, приветствуя Фатиму. Пришли, сели, усталились в стол, и оторвался Алик от стола только на секунду, чтобы показать Фатиме два растопыренных пальца, дескать, два бокала и больше ничего. У обоих были сумки, они повесили их на спинки своих стульев.

Нынче в Москве редко увидишь человека, у которого не было бы при себе сумки, портфеля, саквояжа, а то и просто целлофанового пакета с портретами или Божественной Аллы

или Филиппа Великолепного. И у этих двоих тоже были сумки, черные, мешкообразные, с «молниями», защелками, замочками и прочими железками, которые должны были каждому знающему человеку на расстоянии подсказать, что хозяин этой сумки – не хухры-мухры, с ним надо поосторожней, с ним надо ухо остро.

Подходили все новые посетители, Епихину пришлось сдвинуться со своим стулом, к нему подсели уже знакомые девицы в обтянутых джинсах, поздоровались со значением, как бы приглядываясь к нему, как бы примериваясь, он откликнулся – подвинул к ним пепельницу и уже этим дал понять, что их увидел разговор возможен, и кто знает, кто знает, чем этот разговор закончится.

Но все это была мишура, все это была игра, может быть, даже талантливая – это когда игры никто не замечает. Смысл и суть передвижений Епихина были в другом, ему нужно было как можно ближе поставить свой стул к сумке Михася, которая теперь болталась совсем рядом, ему достаточно было опустить руку вдоль стула, и он касался этой самой сумки с «молниями», замочками и защелками.

А дальше пошел его непривычный разговор со Следователем, разговор, который возникал все чаще – каждый раз, когда Епихин совершал нечто необычное. Да, свои действия он называл просто необычными, не более того.

И уж никак не криминальными, упаси боже!

– Скажите, Валентин Евгеньевич, а почему вам понадобилось именно в тот день прийти в пивной бар, или, как вы его называете, в эту забегаловку? Что вы там делали?

– Пиво пил.

– Один?

– Да... Правда, потом ко мне подсели две девушки...

– А почему они подсели к вам?

– Больше не было свободных мест. А может быть, я им понравился. Или они мне.

– Вы с ними знакомы?

– Ну, как знакомы... Иногда сталкиваюсь с ними в этом баре, но назвать это знакомством... Не знаю.

– Но вы так удобно расположились, что как раз за вашей спиной оказались эти два парня...

– Не знаю, кто у меня оказался за спиной, но я пришел едва ли не первым, бар еще был пуст. Почти все посетители пришли позже и садились где кому нравилось.

– Вы разговаривали с этими ребятами?

– Я разговаривал с теми, кто был передо мной, а не с теми, кто за спиной.

– Кто это может подтвердить?

– Девушки и подтвердят.

– Они вас запомнили?

– Вполне возможно. Мы там иногда встречаемся. Потом я дал им прикурить, у них не оказалось зажигалки. Я не поверил, что у них нет зажигалки, просто способ перебраться несколькими словами. Эти девушки вообще не прочь познакомиться... С хорошим человеком.

– Я уже вызывал их сюда, они подтвердили ваши слова, – разочарованно проговорил Следователь. – А кто уходил из бара последним?

– Не знаю. Я ушел едва ли не первым. Все еще оставались. На улице шел дождь, и никто не торопился уходить...

Такой вот разговор пронесся в одну секунду в мыслях Епихина, пока он, щелкнув зажигалкой, позволил девушкам прикурить от его огонька.

«Молния» на одном из кармашков сумки Михася была расстегнута – это Епихин заметил сразу и сразу понял, что ему нужно делать. Три сто долларовые бумажки у него были приготовлены заранее, и он, не прекращая милой беседы с девушками, безжалостно втиснутыми

в маловатые джинсы, опустил руку вдоль тела, как бы расслабившись, как бы в легком потрясении от их очарования, чуть отклонил правую руку и, опустив совсем небольшой пакетик в открытый кармашек сумки, задернул «молнию». И снова поставил локти на стол, уставился в глаза красавицам с улыбкой чуть усталой, даже печаль можно было разглядеть в его улыбке, печаль осознания нескладной своей судьбы – не может он, не имеет права уделить девушкам больше внимания, жестокие обстоятельства вынуждают его покинуть это прекрасное заведение. Кто знает, может быть, они снова увидятся, и тогда всем им повезет чуть больше в этой жизни, столь бестолковой и непредсказуемой.

Такая примерно улыбка была на лице у Епихина, когда он, выпив последний глоток пива, поднялся, протиснулся к стойке бара, расплатился с Фатимой, произнес какие-то слова, которые обычно забываются тут же, если, конечно, человек еще их и услышит, подмигнул двумя глазами сразу и вышел в шум и грохот Ленинградского проспекта, в суету и толчею – нервную и бесконечную.

Неожиданно возник Следователь. Как бы из ничего, просто возник, догнал Епихина, пристроился рядом и улыбчиво заглянул в глаза.

– Скажите, Валентин Евгеньевич, а чем объяснить, что все звонки, которые получал на свой мобильник Михась, шли из автоматов, расположенных рядом с вашим домом?

– Видимо, кто-то звонил ему из этого района, – Епихин раздраженно передернул плечами.

– Но это были не вы?

– Совершенно верно. Это был не я.

– Свежо предание, да верится с трудом, – улыбнулся Следователь.

– Отвали, – сказал Епихин жестковато.

И через неделю, вернувшись из Польши и доставив десяток рулонов ткани с высоким ворсом да к тому же еще и в полосочку, он позвонил Михасю из автомата у входа в метро «Таганская».

– Михась? – спросил Епихин, стараясь говорить голосом грубым, нагловатым, нетерпеливым.

– Ну... Михась. И что?

– Меня помнишь?

– Помню.

– Деньги появились?

– Так это ты подсунул?

– Мои люди.

– Как же они изловчились?

– Их дело.

– Или все-таки ты? – усмехнулся Михась.

– Меня две недели в Москве не было.

– Канары? Кипр? Майами?

– Германия.

– И что мне с этими деньгами?

– На пиво.

– Нас двое...

– Ты Алика имеешь в виду? Я знаю. Значит, вам обоим на пиво. Хватило?

– Немного осталось.

– Можете не экономить. Деньги будут.

– А что вы называете деньгами?

– Наконец-то я слышу дельный вопрос. Деньги начинаются с тысячи. Долларов, естественно.

- Или с десятков тысяч? – обнаглел Михась.
- Или с десятки, – поправил Епихин. – Не возражаю. Но придется поработать.
- Лопатой? Головой? Ногами?
- Руками.
- Долго?
- Как пойдет. Можете и за час управиться.
- И по десять тысяч?
- Договорились, – сказал Епихин и повесил трубку.

Откуда-то мы знаем, что недоговоренность всегда полезна, – это всегда хорошо – закончить разговор чуть раньше, чем ожидает собеседник. Такой прием дает возможность маневра, возможность переиначить свои уже произнесенные слова, истолковать их так, как потребуют обстоятельства. Откуда-то мы знаем гораздо больше, чем нам кажется, какие-то истины, знания, сведения живут в нас не востребуемыми, вроде как бы и ненужными, но наступает момент, наступает в жизни нечто чреватое, а то и попросту угрожающее, и все, что в нас таится, вдруг проявляется легко и просто, будто мы всегда владели и частенько этими своими тайными знаниями пользовались.

А ни фига!

Никогда мы ими не пользовались по той простой причине, что в них не было надобности.

И произносим ведь слова, иногда довольно удачные, уместные, более того – единственно правильные. Откуда они? Что или кто-то сидит в нас, подсказывая, вырывая в момент рискованный и отчаянный?

Епихин повесил трубку, в доли секунды осознав вдруг, что именно сейчас и ни мгновением позже разговор надо оборвать. Пусть эти придурки, любители выпить на дармовщину, пусть шепчутся за кружкой пива, уперевшись друг в друга потными лбами и шепча жаркие слова. Десять тысяч долларов на брата за час работы кого угодно расшевелят и вызволят из нутра мысли корыстливые и нетерпеливые.

По привычке Епихин хотел было вызвать из небытия, пока еще из небытия, Следователя и поговорить с ним жестко и неуязвимо, но тот не появился, не пожелал задать дурацкие свои вопросы. Значит, все было сделано правильно, значит, он и в самом деле пока неуязвим.

– Ну что ж, пусть так, – удовлетворенно подумал Епихин и сбегал по эскалатору вниз – ему надо было на Краснопресненскую, домой, к Жанне.

Жанна была красивая женщина, молодая, таких даже называют юными. Как сказал поэт – юные жены, любившие нас. Но не бывает бриллиантов без огрехов, ничего в мире не бывает без недостатков или же без того, что мы считаем недостатком.

Всегда есть, к чему придраться.

При желании.

Было и у Жанны темное пятнышко, нечто вроде родинки, впрочем, родинки многих только красят, многие сознательно рисуют их на своих милых щечках, на своих пухленьких губках. У знаменитой красавицы Синди Кроуфорд родинка на верхней губе застрахована на миллион долларов – вдруг какой-нибудь придурок в порыве страсти возьмет да и откусит! Дорого ему обойдется этот порыв. А ведь были времена, когда Синди предлагали эту родинку удалить – чтоб, значит, она еще красивше стала!

Вот дураки-то, прости их, господа!

Устояла красавица, сохранила родинку!

И вот, пожалуйста – мировая слава!

Многие девицы рванули было вослед, начали себе на верхних губках карандашами пририсовывать такие вот завлекалочки, но это уже был, сами понимаете, чистой воды плагиат.

Жанна в этом не нуждалась, ее родинка была в другом – из криминального мира пришла она в эту жизнь. Были в ее прошлом времена, куда более отчаянные, можно сказать, дерзкие, с ночными набегами, с побегими сами знаете откуда, с друзьями, которых вообще ничто не могло остановить.

Прошли эти времена, остепенилась Жанна. Но должен сказать совершенно откровенно, никто, прошедший такую вот школу в юности, не остепенится до конца, до смерти такой человек не забудет времена, когда все стояло на кону – жизнь, смерть, любовь, свобода, кровь...

А ведь было, было, было...

И хотя последние годы хорошо себя вела Жанна, стараясь не огорчать Епихина даже воспоминаниями, но в глазах ее, в потрясающих, между прочим, глазах, что-то осталось от прежней жизни – вызов, шалость, готовность оторваться в эту вот секунду и до конца.

До конца, ребята, до конца.

А это никогда не уйдет, не растворится в заботах кухонных, постельных или еще там каких-то.

Простите, но это – как первая любовь.

Да, любил Епихин Жанну, но в то же время чувствовалось в их отношениях... Как бы это сказать поточнее... Не то чтобы он опасался ее, но остерегался.

Да, это будет правильно, остерегался.

Понимал – не любые слова ему позволены, не любой его поступок Жанна стерпит или простит. Да, встречала она его улыбкой радостной, искренней, но была в этой ее улыбке и усмешка, чуть оценивающая, чуть снисходительная. Она как бы говорила: «Ну-ну, дорогой, ну-ну...» Она знала ему цену, и цена эта была не слишком высокой, не слишком. Это Епихина ничуть не раздражало, не обижало, это ему даже нравилось. Он был неглуп и понимал – Жанна маленько посильнее его.

Как-то их встретили отчаянные ребята, уже около полуночи. Дальше могло произойти все, что угодно, без исключений – все, что, угодно, тем более что Епихин, хорошо подвыпив, вел себя неосторожно, или, лучше сказать, непочтительно по отношению к этим ребятам. Жанна в одну секунду поняла, кто у них вожак, отвела его в сторону и что-то прошептала на ухо. И все они, пять человек, мгновенно растворились в ночной темноте, если уж выразиться красиво!

– Что ты ему сказала? – спросил Епихин, вмиг протрезвевший, когда оказался в кольце этих ребят.

– Да так, – усмехнулась Жанна. – Ворон ворону может глаз выклевать, но не должен этого делать. Если он настоящий ворон.

– А эти были настоящие?

– Им хотелось выглядеть настоящими.

– А ты настоящая?

– А как думаешь?

– Думаю – да.

– Епихин, ты очень умный, – серьезно сказала Жанна.

Такая вот Жанна.

И Епихин прекрасно знал, с какой просьбой к ней можно обратиться, с какими словами и в какой момент. А то, что к Жанне придется обратиться, он знал давно, и во всей его затее Жанне отводилось место едва ли не самое важное.

– Значит, так, – сказал он, убрав звук телевизора, где вовсю бесновались смехачи, исполняя свои руды с ужимками совершенно нечеловеческими. – Есть разговор...

– Валяй, – сказала Жанна.

– Мне почему-то кажется, что ты можешь...

– Конечно, могу.

- Видишь ли...
- Валя! – весело сказала Жанна. – Кончай размазывать манную кашу по белой скатерти.
- Пистолет нужен, – сказал Епихин, как в прорубь нырнул.
- Стрелять будешь?
- Не мне пистолет.
- А стрелять будешь?
- Нет.
- А почему к тебе обратились?
- Не знаю.
- Врешь. Знаешь.
- С тобой трудно разговаривать...
- Нет, Валя... Со мной легко разговаривать. Темнить со мной трудно. Не темни.
- Это все, что я могу сказать.
- На халяву?
- Нет. Человек отдаст любые разумные деньги.
- С патронами?
- Да.
- Много?
- Обойма.
- Не много?
- В самый раз, – ответил Епихин.
- Ты что-то задумал?
- Меня попросили добрые люди – я обещал... Если получится. А нет, так нет.
- Добрые люди пушками не пользуются, добрые люди жалобы пишут.
- Жалобы пишут глупые и трусливые.
- Какой ты стал, – усмехнулась Жанна.
- С кем поведешься, с тем и наберешься.
- Ладно, Епихин, спрошу у ребят... Но эти игрушки подорожали. Спрос растет.
- Я знаю.
- Хочешь совет?
- Хочу.
- Не лез бы ты в это дело.
- А я и не лезу.
- Лезешь, Епихин. Это видно. Мне это видно, – уточнила Жанна. – Пока есть деньги на хлеб, молоко и водку, можно не суетиться.
- Иногда на Канары хочется.
- И на Канары у тебя есть.
- Жанна... Послушай... Сам я никуда не полезу. И нигде не засвечусь. Это я обещаю.
- Смотри, Валя, – Жанна загасила сигарету в пепельнице, некоторое время смотрела на Епихина испытующе, отодвинула пепельницу. – Я предупредила. Мне бы не хотелось с тобой расставаться.
- Да и я не собираюсь.
- Когда пушка в руках, она обязательно выстрелит. И никогда не догадаешься, в какую сторону. Я говорю это не потому, что мне так кажется, я говорю это, потому что знаю. Я знаю, Валя. Эти ребята, которые обратились к тебе со столь деликатной просьбой... Если они ищут пушку, значит, у них ее нет.
- Мысль разумная! – рассмеялся Епихин, присаживаясь к Жанне на диван.

– Она разумнее, чем может показаться. Если у них нет пушки, а она им нужна и они обращаются за помощью к человеку, который занимается мебельным производством... Они лохи, Епихин. Они полные лохи. Или же... Или ты темнишь и пудришь мне мозги.

– Ты так легко просчитываешь совершенно незнакомых людей? Поделись, как тебе это удается?

– Да что тут просчитывать, господи! – Жанна поднялась с дивана и, сунув ноги в шлепанцы, направилась на кухню. – Пошли перекусим... Ты вроде чего-то принес... Может, и по глоточку пропустим... За успех твоего безнадёжного предприятия, – она похлопала Епихина по плечу.

– Авось обойдется, – сказал он. – Где наша не пропадала! Кто не рискует, тот не пьет шампанское!

– Чего я терпеть не могу, так это шампанское! Не знаю более дурацкого напитка! Может быть, где-то, в каких-то там странах, в каких-то там бутылках оно более съедобное... Но здесь...

– А что ты хочешь выпить здесь?

– Хорошей водки.

– И побольше? – уточнил Епихин.

– Как пойдет, Епихин, как пойдет. По-разному бывает. Иногда запах отбивает всякую охоту, а иногда оторваться невозможно... Сегодня, кажется, второй вариант.

– Нет проблем! – азартно воскликнул Епихин, вынимая из холодильника початую бутылку «Абсолюта». – Сойдет?

– Слюбится – стерпится, – Жанна исподлобья, в упор посмотрела в его глаза. – Мои ребята не засветятся. Главное, чтоб твои не оплошали. Эти самые лохи... Сколько им, по тридцать?

– Ну ты даешь! – восхищенно воскликнул Епихин.

– Поздновато понадобилась им пушка, – Жанна повертела в воздухе узкой ладошкой. – Маленько бы пораньше.

– Поздновато? – удивился Епихин. – А так бывает? По-моему, пистолет всегда кстати. Как и деньги.

– Ошибаешься. И деньги могут быть преждевременными, и пушка частенько попадает в руки позже, чем человек может ею воспользоваться.

– Не уверен.

– Замнем для ясности. По-моему, это такая тема, что без бутылки нам не разобраться, – Жанна свинтила серебристую пробку с тяжелой, какой-то аптечной бутылки, понюхала, помолчала, склонив голову набок, словно не решаясь вынести приговор.

– Ну, что?

– Годится, – Жанна разлила водку в большие стаканы с тяжелыми доньшками. На закуску были телячья колбаса, кусок какого-то балыка, виноградная гроздь.

– Будем живы, Епихин! – сказала Жанна. – Удачи тебе! – В этот вечер она называла его по фамилии.

– И тебе удачи, – сказал Епихин, не уловив в ее словах ничего предостерегающего, ничего настораживающего.

То ли разговор у них получился каким-то нервным, то ли водка оказалась слишком хороша, а может, просто разговор о пистолете заставил что-то заскулить в душе, словно в предчувствии событий опасных и непредсказуемых...

Как бы там ни было, они хорошо выпили в этот вечер, закончили литровую бутылку, нечаянно коснулись друг дружки ладошками и как-то сразу одновременно поняли – что-то будет у них этой ночью, что-то обязательно должно произойти. Куда деваться, разговоры о

деньгах и пистолетах, о рискованных делах и отчаянных решениях обостряют чувства, будто сдирают ржавчину со старого ножа, который еще на многое сгодится.

На следующий вечер Жанна вернулась поздно. На улицах горели фонари, накрапывал мелкий дождь, на экране телевизора бесновались юные певцы и певицы – в их потом усердия чувствовалось желание больших денег. Нет, они не стремились выплеснуть переполнявшие их чувства, и не жажда творчества заставляли их раскорячиваться и принимать позы, которые были бы уместны разве что в общественных туалетах рядом с придорожными забега-ловками. Если вы, конечно, знаете, что это такое. Мальчики и девочки, наслушавшись о доходах звезд, устремились следом, и по лицам было видно – ничто их не остановит. Будут у них дома в Майами, замки в подмосковных лесах и яхты на Лигурийском побережье, будут! Глядя в их пылающие взоры, было ясно – ни яхтам, ни домам никуда от них не деться.

Услышав хлопок двери в коридоре, Епихин выключил телевизор. Сатанинские вопли стихли и в квартире наступила тишина. И в этой тишине было слышно, как Жанна босиком прошла в комнату и упала на диван рядом с Епихиным.

– Ждешь? Томишься? – спросила она, щелкнув зажигалкой и прикурив длинную тонкую сигаретку.

– Я смотрю, ты неплохо провела вечерок?

– Ты имеешь в виду хмель в моих глазах?

– И в словах тоже.

– Да, пришлось выпить с ребятами. Ты ведь меня не осуждаешь? Не коришь?

– Упаси боже!

– Деликатность твоего поручения требовала особого подхода. Я должна была выглядеть своей.

– Что пили?

– «Русский стандарт». Хуже «Абсолюта», гораздо хуже.

– Это звучит как комплимент.

– А это и есть комплимент.

Оба говорили слова необязательные, как бы ни о чем, словно опасаясь произнести главное, ради чего Жанна уходила чуть ли не на весь день, ради чего с кем-то пила водку «Русский стандарт», вынуждая Епихина терзаться и маяться в неизвестности.

– Значит, ребят своих нашла? – не выдержал наконец Епихин.

– А чего их искать, они всегда на месте.

– В полном составе?

– Ты хочешь спросить – не посадили ли кого? Посадили. Но не всех. И не лучших.

– Надолго?

– Да так, по мелочевке. На пустяках прокалываются ребята.

– На большие дела не идут?

– Отходились, – Жанна встала, вышла в коридор походкой легкой и стремительной, вернулась с сумкой на длинном ремне и, размахнувшись, бросила ее в сторону дивана. – Лови, Епихин!

В последний момент Епихин сумел на лету поймать сумку и вздрогнул от счастья – сумка была тяжелой, узнаваемо тяжелой – он уже знал, что там, и не торопился открывать. Его охватило такое чувство, что пока сумка закрыта, пока он не видит, что в ней, то и упрекать, а тем более обвинять его не в чем. Но стоит открыть сумку, щелкнуть замочком и откинуть верхнюю ее часть, как сразу же он станет уязвимым, и с этого самого момента ему придется опасаться, прятаться и скрывать свои затеи. Он положил сумку на колени и, подняв голову, посмотрел на Жанну.

– Это оно, – сказала она.

– Значит, удалось, – почти обреченно сказал Епихин.

– Ты, Валя, связался со страшным человеком – мне все удастся, за что бы я ни взялась.

– Значит, удалось, – повторил Епихин упавшим голосом. Казалось, он надеялся, что все сорвется, и он с легкой душой откажется от безумной своей затеи. Так, наверное, бывает с парашютистом перед первым прыжком – он все ждет, что погода окажется нелетной, что парашютов на всех не хватит, что летчик заболеет и прыжки отменят... Но нет, нет, ребята, – и погода хорошая, и парашютов хватает, и летчик как никогда весел и беззаботен...

И приходится прыгать.

– Значит, удалось, – уже почти неслышно, про себя пробормотал Епихин, чувствуя на коленях тяжесть пистолета в сумке. – Сколько запросили? – задал он самый невинный вопрос из всех, которые подвернулись.

– Две тысячи.

– Долларов?

– Тугриков!

– Вроде многовато.

– Небольшой перебор, конечно, есть, – согласилась Жанна. – Но, понимаешь, Валя, брать подобные вещи у друзей всегда обходится дороже. Это закон. Знакомый врач вырежет аппендицит, и ты заплатишь в два-три раза больше. И еще будешь чувствовать себя в долгу. Человеческий фактор, Валя. Смирись. Тем более что платить-то не тебе, ведь ты не для себя берешь? – Жанна пристально посмотрела в глаза Епихину, но взгляды их не встретились – Епихин неотрывно смотрел на сумку, лежащую у него на коленях.

– И патроны есть?

– Не просто патроны – родные патроны. Это не какие-то самоделки. Твой заказчик будет доволен, да?

– Наверное, я в этом не силен.

– А пользоваться умеешь?

– А на фиг мне уметь? Я не собираюсь им пользоваться!

– Ну-ну! – неопределенно протянула Жанна. – А то мои ребята могут показать, научить, дать добрый совет... А?

– Все в порядке, Жанна, все хорошо, все нормально... Если мне понадобится их добрый совет, я обязательно тебе скажу об этом, ладно?

– Заметано. А что ж ты не полюбишься на игрушку? Может, я тебе гирию из магазина принесла?

– Чуть попозже, – Епихин вдруг почувствовал страшную усталость, плечи налились тяжестью, и он понял, что не сможет вот так легко, порывисто подняться, чтобы пройти на кухню, в коридор.

– Заводская смазка, – подзадорила его Жанна.

– То есть эта штучка нигде не засветилась?

– Обижаешь, начальник, – Жанна улыбалась откровенно и снисходительно. – Это тоже входит в цену. Так что две тысячи, как видишь, не такая уж и заоблачная цена. Ты уверен, что не хочешь оставить его себе?

– Подумаю, – нашел в себе силы улыбнуться Епихин.

Разговаривая, они старательно избегали слово «пистолет», словно одним этим как-то охраняли себя от той заразы, которая распространялась от него по всей квартире. Похоже, что у обоих было ощущение, что неназванный предмет в сумке был как бы чем-то другим, не столь суровым, безжалостным, опасным, каким он являлся на самом деле. Так часто выпивохи, собираясь купить бутылку водки, избегают называть ее «водкой», у них для этого находится десятки словечек, которые вроде бы и означают то, что нужно, но сама водка остается неназванной. «Может, сообразим? – говорит один. – Как подорожала, стерва! – подхватывает другой. – А хватит одной? Может, лучше три маленьких?» – Иностранец, даже прилично зна-

ющий русский язык, не догадается, о чем идет речь. Сказать продавцу «дайте бутылку водки» кажется грубым, даже безнравственным.

Епихин за весь вечер так и не решился назвать пистолет «пистолетом». Игрушка, штучка, забава – все слова были простые и невинные, не имеющие ничего общего с истинной сутью этой зловещей штуковины.

– А знаешь, я все-таки засветился, – неожиданно сказал Епихин. – Для кого бы я ее ни брал, кому бы я ее ни отдавал, но засветился. Это плохо.

– Интересно, – жестковато сказала Жанна. – Оказывается, не я засветилась, а ты... Я, выходит, не в счет?

– Твои ребята ведь понимают, что ты берешь эту штучку не для себя. Значит, для меня.

– А ты кто? – без улыбки спросила Жанна.

– Не понял?

– Вопрос у меня такой возник... Ты кто? Могу ответить вместо тебя... Ты – никто. И звать тебя никак. Понял?

– Нет. Не понял.

– О том, что я живу с тобой... Как бы наша жизнь ни называлась... Мои ребята не знают. Тебя для них попросту нет. Ты для них не существуешь. Где я живу, с кем, на каких условиях... Это их не касается. Да, мы с ними знакомы, да, у нас были общие дела, да, мы уцелели, хотя уцелели не все... А ты-то здесь при чем, Валентин Евгеньевич?

Епихин почувствовал уязвленность. Хотя Жанна его успокоила, она заверила, что ее добрые знакомые ничего не знают о нем, но ее вопросы, ответы зародили в нем обиду. Он поерзал в кресле, сумку с пистолетом снял с колен и положил на пол.

– Как-то ты сурово со мной...

– Ты спросил – я ответила. Ты забеспокоился – я успокоила. Никто в мире, кроме меня, не знает, что ты интересуешься огнестрельным оружием. Но поскольку я принесла пушку в дом, мне нет смысла тебя сдавать. Я в чем-то ошибаюсь?

– Да нет... Просто тон слегка задел.

– Хорошо. Давай объяснимся. Ты заподозрил меня в том, что я тебя сдала. Неважно как – по глупости, неосторожности, по злому умыслу или еще как-то... Неважно. Я заверила тебя, что не сдавала. А если кто и засветился, то я. Я, а не ты. Можешь свои игры продолжать и дальше.

– Игры? Я играю? – возмутился Епихин.

– Мне так кажется.

– Почему тебе так кажется?!

– Легкие нестыковки, – Жанна развеяла перед лицом сигаретный дым. – Легкие нестыковки, Валя.

– Какие?

– Почему тебя так задела цена этого изделия? Ведь деньги-то не твои, их тебе вернут твои заказчики.

– Меня не задела цена... Я просто удивился цене, независимо от того, чьи это будут деньги.

– Почему ты не взглянул на пистолет? Ты до сих пор не решаешься открыть сумку. Ты слишком серьезно к нему относишься. К чужой вещи, к вещи, предназначенной для чужих людей, относятся проще. Ну и так далее. Ладно, хватит об этом... Подобьем бабки. Ты чист. Тебе некого опасаться, кроме меня. А я завязла. Я не имею права тебя сдавать. Даже ради собственного спасения. Ты это понимаешь?

– Вполне.

– Вопрос исчерпан?

– Да. Только хочу тебе напомнить... Я из этого пистолета стрелять не собираюсь.

– Очень хорошо. Меня это устраивает. Мы же договорились – вопрос исчерпан. Забыли. Деньги мне понадобятся завтра.

– Я тебе дам их сегодня.

– Тогда наливай. Я не привыкла к таким разговорам. Хочется выпить. Да и тебе, наверное, тоже. По-моему, у нас что-то осталось, – Жанна поднялась и прошла на кухню.

Тяжело осев в кресле, Епихин слышал хлопок холодильника, стук бутылки о стол, звон стаканов. Потом подали голос тарелки – на пластмассовую поверхность стола они падали, будто спрыгивая с какой-то высоты. Пискнули вилки, звякнул нож, раздался зовущий хлопок пробки и наступила тишина.

Епихин понял, что пора идти.

С трудом поднявшись из кресла, он медленно, будто опасаясь каждого своего шага, двинулся в сторону кухни. На сумку, лежащую у кресла, он так и не взглянул, опасаясь самого ее вида – черная, тяжелая, с обессиленно откинувшимся в сторону длинным ремнем.

В этой сумке затаилось его будущее.

И он не был уверен, что это счастливое будущее.

Михась и Алик даже не заметили, как сильно изменилась их жизнь, как изменились они сами. Казалось бы, ничего столь уж значительного не произошло – несколько странных телефонных звонков в подброшенные три сотни долларов, которые они спустили быстро и охотно. Да, было еще обещание больших денег, десять тысяч долларов на брата при том, что у них не всегда находилось, на что купить по кружке пива...

Это большие деньги.

И нате вам – как бы переродились ребята. Стали строже, молчаливее, уже не орали на всю забегаловку, не приветствовали шумно и радостно Фатиму, когда та подносила им «Невское светлое», разговаривать стали вполголоса, будто скрывали нечто важное, что наполняло их жизнь.

А ведь наполнило – ожиданием и неопределенностью.

И Михась, и Алик словно чувствовали на себе внимание какой-то высшей силы, о которой они ничего не знали, только чувствовали, что такая сила есть, и она проявляет к ним интерес.

В пивнушку к Фатиме заходили молча, протискивались между тяжелыми стульями в самый угол, усаживались спиной к остальному залу и тут же начинали шептаться, стараясь не привлекать к себе внимания. Каждый раз, когда в кармане Михася раздавался телефонный звонок с вибросигналом, Михась вздрагивал, спешно, путаясь в складках подкладки пиджака, лез в карман, нажимал кнопку, боясь опоздать, боясь и в то же время желая, чтобы опять откликнулись те силы, о которых они ничего не знали, но хотели, хотели вступить с ними в сговор.

– Слушай, – сказал однажды Алик свистящим шепотом, отгородившись спиной от посетителей. – Тут у меня мыслишка мелькнула... Все не так просто, как может показаться.

– Ну? – насторожился Михась.

– Мы же его не знаем, а он нас знает. Может быть, даже в этом зале сидит и пиво попивает, на нас поглядывает, усмехается нашей простоватости.

– Ну и что? – повторил Михась, раздражаясь.

– А то, что денег он не даст.

– Почему?

– Потому что мы его не знаем. Поручит что-нибудь рискованное, мы выполним, а он исчезнет. И никаких двадцати тысяч мы не получим.

– И что ты предлагаешь?

– Пусть появится.

– А на фиг?

- Чтобы все было честно.
- Нет, Алик, лучше, чтоб мы его не знали. Я, например, не хочу его знать. Мне так спокойнее. И ему спокойнее.
- А деньги?!
- Пусть дает вперед. Утром деньги – вечером работа. Старый закон.
- А знаешь, в этом что-то есть, – согласился Алик. – Ты сказал ему, что нас двое?
- Он знает.
- Но ты сказал?
- Отвали, Алик. Сказал, и не один раз. И он открытым текстом заверил – по десять тысяч на брата.
- А знаешь, – все тем же свистящим шепотом заговорил Алик, – если он так легко согласился дать нам по десятке, то за хорошую работу мог бы накинуть еще кое-что... А?
- Мысль, конечно, интересная, но только вот что-то он замолчал.. Я бы на его месте вообще затеял переговоры с несколькими ребятами и посмотрел, кто справится лучше, кто покруче...
- Думаешь, мы слабоваты?
- Какая разница, что я думаю! Важно то, что думает он! – Михась замолчал, потому что в этот самый миг в его кармане забился, завизжал мобильник. Михась установил вибрацию самую сильную, мелодию подобрал самую громкую, чтобы почувствовать, услышать мобильник на расстоянии, если он вдруг окажется в другой комнате, в куртке на вешалке, на тумбочке в спальне.
- Да, – сказал Михась негромко. – Слушаю.
- Это я, – прозвучал уже знакомый грубоватый напористый голос. – Узнаешь?
- С трудом... Давно не общались.
- Занимался вашими делами.
- А какие у нас дела?
- Ты где сейчас?
- Пиво с Аликом пьем.
- У Фатимы? – В голосе собеседника первый раз прозвучала неуверенность, он как бы спохватился, что сказал лишнее, выдал себя, оплошал.
- Что-то говорил Михась, в трубке было слышно, какие слова подсказывал ему Алик, гул пивнушки доносился до Епихина, а он молчал, приходя в себя от той глупости, которую только что сморозил. Хотелось показать свою осведомленность, мол, все знаю, мол, каждый ваш шаг у меня перед глазами... Вот и ляпнул. Но что делать, что делать, надо как-то выкручиваться...
- Ты тоже здесь бываешь? – спросил Михась, и в его голосе прозвучала улыбка.
- У меня другие вкусы, – ответил Епихин.
- Вот Алик подсказывает – может быть, нам стоит познакомиться, а то как-то неловко получается...
- А зачем? И вам спокойнее, и мне тоже...
- У нас есть повод волноваться?
- Есть, – помолчав ответил Епихин.
- Нам что-то грозит?
- Разве что легкое волнение.
- Это ты за волнение обещаешь нам по десять тысяч?
- Да, так можно сказать.
- Вот Алик интересуется – а заплатишь ли ты, когда мы сделаем свою работу? Не слиняешь ли?
- Деньги получите вперед.
- А не боишься, что мы слиняем?

– Нет, не боюсь, – сказал Епихин и отключил связь – он это делал не первый раз и усвоил, что прием неплохой. Разговор, оборванный на полуслове, всегда дает преимущество тому, кто его обрывает. Собеседник оказывается в недоумении, неопределенности, раздражении.

Михась некоторое время молча смотрел на мобильник, потом поднял глаза на Алика.

– Чудной мужик какой-то... Он, похоже, бывает здесь. Или придуривается. Я спросил, не боится ли, что мы слиняем с деньгами... Сказал, что не боится.

– А что за работа предстоит? Не намекнул?

– Нет...

– Может, стоило спросить?

– Нет... – повторил Михась. – Пусть сам скажет. Чтобы не думал, будто мы дергаемся. Пусть он дергается. Как я понял, ему это тоже не просто сказать. Что-то мешает.

– А почему ты решил, что он здесь бывает? – спросил Алик.

– Сам сказал.

– Так и сказал?

– Нет, он в словах какой-то верткий... Сказал, что знает, где мы пиво пьем, Фатиму знает... Назвал ее по имени. Дает понять, что плотно нас обложил.

– Может, с Фатимой поговорить? – предложил Алик.

– Не надо. Если бы она что-то знала, он бы ее не назвал. Он просто обозначил пивнушку. Тут многие так говорят... Где был? У Фатимы. И мы с тобой так же говорим... Он добился – мы с тобой только о нем и шепчемся.

В этот момент в кармане Михасы снова заколотился телефон. Михась посмотрел на Алика, поколебался, вынул мобильник, нажал кнопку приема.

– Да! Слушаю!

– Я забыл сказать главное – в чем будет состоять ваша работа, – раздался в трубке знакомый голос.

– И в чем же?

– Надо убрать одного прикурка. Инструмент, подготовка и все прочее на мне. Хлопоты отнимут у вас около часа. У тебя машина есть?

– Нет. И у Алика нет.

– Купите подержанную. За мой счет. Все. Думайте.

И Епихин отключил связь.

Михась сунул мобильник в карман и, не говоря ни слова, показал Фатиме два пальца – еще две кружки.

– Ну? – не выдержал долгого молчания Алик. – И что?

Михась, не отвечая, ждал, пока Фатима нальет пиво, ответит кому-то по мобильнику, потом она долго пробиралась между столиками и, наконец, поставила кружки на стол. Михась подождал, пока она отойдет, снова окажется за стойкой, и только после этого оторвал взгляд от стола и посмотрел на Алика.

– Предлагает кого-то завалить.

– Как?!

– Ну как заваливают... Инструмент, говорит, его, можно об инструменте не беспокоиться.

– Не понял? – Алик прижался грудью к краю стола и постарался заглянуть Михасю в глаза.

– Пистолет предлагает. Понял? Этот мужик предлагает пистолет, из которого мы должны застрелить плохого человека.

– Откуда ты знаешь, что он плохой? – задал Алик дурацкий вопрос.

– От верблюда!

– Так... И по десять тысяч?

– Обещает оплатить покупку машины. Не новой, конечно. Машина вроде того что понадобится нам только на один вечер.

– Какой вечер?

– Когда выйдем на охоту.

После этих слов друзья надолго замолчали. Время от времени, словно спохватываясь, они припадали к кружкам, опять о них забывали, невидяще уставившись в прокуренное пространство. До сих пор в их представлении мерцали только две пачки долларов по десять тысяч в каждой, вокруг этих пачек и вертелись все их прикидки и расчеты. И тут вдруг в благостные мысли ввалился труп, залитый кровью, рев машины, набирающей скорость, визги тормозов, милицейские облавы, допросы, очные ставки со свидетелями и прочая дребедень, от которой стыла кровь в жилах.

– Вообще-то могли и раньше догадаться, к чему дело идет, – проговорил Михась.

– У меня мелькала мыслишка, – усмехнулся Алик, откидываясь на спинку стула. – Но я не решался даже произнести ее вслух, чтоб не накаркать...

– А он вот произнес.

– Что-нибудь сказал о нашем клиенте?

– Ничего. А, нет, сказал... Придурок, говорит.

– Конечно! – фыркнул Алик. – А что еще он о нем скажет... Не будет же он его расхваливать – отец семейства, заботливый, порядочный, щедрый...

– Понимаю, что можно стащить на вокзале чемодан у какого-нибудь растяпы, машину можно угнать, а если попался, сказать, что покататься захотелось. Помнишь, как нам обломился мобильник в фабричной упаковке... Но труп за спиной... Он же от нас не отстанет... Никогда!

– Кто?! – испуганно спросил Алик.

– Труп. Так и будет тащиться за нами по жизни, из-за каждого угла выглядывать, с каждого зеркала смотреть, из темноты подглядывать... Трупы – они такие, с ними лучше не связываться.

– А знаешь, – задумчиво протянул Алик, – ведь и заказчик от нас не отстанет. Чуть кто у него опять на дороге окажется, он сразу к нам – исполняйте, ребята, а не то...

– А что не то?

– Сдам, дескать, вас. Давно ищут.

– А как докажет?

– Он и не будет доказывать... Следы всегда остаются. Он сам эти следы и застолбит. Наверняка записывает наши разговоры. А сейчас голос – как отпечатки пальцев. Не отвертись. Кстати, и губы тоже имеют свои неповторимые отпечатки.

– При чем тут губы?! – чуть не закричал Михась.

– А при том, – рассудительно заметил Алик. – При том, – повторил он таким тоном, будто высказывал невесть какое глубокое соображение. – Следы, Михась, всегда остаются, хочется нам того или нет. Одного мужика поймали по отпечатку задницы, понял!

– Это как? – не понял Михась. – На заднице есть линии судьбы, линии жизни, ума, любви?! Да?!

– Тот мужик, перед тем как совершить свое злодеяние, долго на скамейке сидел. И отпечатался.

– И что?

– Взяли. Посадили, – вздохнул Алик. – Кто-то видел, что какой-то подозрительный тип долго сидел на скамейке. Подошли, а там отпечаток.

– И что, у него задница не такая, как у всех?!

– Михась... Каждая жопа имеет неповторимые черты... И твоя тоже, между прочим.

– Это все, что ты можешь сказать?

- Нет, у меня еще есть одно соображение...
- Опять про жопу?
- Нет, про меня... Михась, я – пас. Мне почему-то не хочется заниматься смертоубийством.
- Ну, что ж... На том и порешим, – кивнул Михась. – Когда человек решает заняться незнакомым делом, это всегда кончается плохо.
- Но с другой стороны, новичкам везет, – заметил Алик.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.